

ДВОЕ ФОСКАРИ,

ТРАГЕДІЯ БАЙРОНА.

Л и ц а:

ФРАНЧЕСКО ФОСКАРИ, венеціанскій дожъ. БАРБАРИГО, патрицій и одинъ изъ Десяти.
ДЖАКОПО ФОСКАРИ, сынъ его. МАРИНА, жена молодого Фоскари.
ЛОРЕДАНО, патрицій, членъ совѣта Десяти. СЕНАТОРЫ, СОВѢТЬ ДЕСЯТИ, СТРАЖА, СЛУЖИТЕЛИ и проч.
МАРКО МЕММО, президентъ совѣта Сорока.

Мѣсто дѣйствія—дожескій дворець. въ Венеціи.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Сцена — зала въ дожескомъ дворцѣ.

ЛОРЕДАНО и БАРБАРИГО. *(Входятъ съ разныхъ сторонъ.)*

ЛОРЕДАНО.

Гдѣ арестантъ?

БАРБАРИГО.

Отъ пытки отдыхаетъ.

ЛОРЕДАНО.

Не долго ли, — часъ новаго допроса,

Назначенный вчера, уже прошолъ.

Войдемъ въ Совѣтъ и отдадимъ приказъ—

Позвать его.

БАРБАРИГО.

Дадимъ ему хоть малость

Истерзанные члены укрѣпить;
Его допросъ вчерашній былъ ужасенъ.
Онъ можетъ умереть подъ пыткой.

ЛОРЕДАНО.

Ну?

БАРБАРИГО.

Я знаю самъ не меньше твоего
Всю цѣну правосудья; я и этихъ
Честолюбивыхъ Фоскари—отца,
И дѣтище, и весь зловредный родъ ихъ —
Не меньше ненавижу, чѣмъ ты самъ.
Но этотъ злополучный вынесъ больше,
Чѣмъ въ силахъ человѣка—

ЛОРЕДАНО.

Не признавшись,

Однако, въ преступленьи.

БАРБАРИГО.

Можетъ быть,

Не сдѣлавъ преступленья. — Если онъ
Признался въ перепискѣ съ иностраннымъ
Правителемъ, то слѣдуетъ принять
Въ расчетъ его страданья—

ЛОРЕДАНО.

Поглядимъ.

БАРБАРИГО.

Ты слишкомъ далеко ужъ простираешь
Наслѣдственную ненависть.

ЛОРЕДАНО.

А какъ?

БАРБАРИГО.

До истребленья рода.

ЛОРЕДАНО.

Это ты

Сказать мнѣ будешь въ правѣ — вотъ когда
Онъ будетъ истребленъ. — Войдемъ въ Совѣтъ.

БАРБАРИГО.

Не торопись; чтобъ приступить къ допросу,
Тамъ, кромѣ насъ, не достаетъ двухъ членовъ.

ЛОРЕДАНО.

И главнаго судьи, конечно, дожа?

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, новый Брутъ всегда приходитъ первый
На этотъ судъ противу своего
Послѣдняго, единственнаго сына.

Лоредано.

Послѣдняго—да, правда.

Барбариго.

Ну, и ты

Не тронешься?

Лоредано.

А онъ? ты полагаешь,

Онъ чувствуетъ?

Барбариго.

Судя по виду, нѣтъ.

Лоредано.

Я это самъ замѣтилъ въ немъ.—Злодѣй!

Барбариго.

Но, говорятъ, вчера, при возвращеньи
Въ свой дожескій дворецъ, старикъ, едва
Переступивъ порогъ, упалъ безъ чувствъ.

Лоредано.

Такъ на него подѣйствовало, значить.

Барбариго.

Тутъ половина дѣйствія—твоя.

Лоредано.

Оно мнѣ все должно принадлежать.

Я потерялъ отца и дядю.

Барбариго.

Я

Читалъ ихъ эпитафін; ихъ смерть
Приписана тамъ яду.

Лоредано.

Этотъ дожъ

Однажды объявилъ, что онъ себя
Не будетъ признавать за государя,
Покуда живъ Піетро Лоредано, —
И мой отецъ и дядя умираютъ
Въ одинъ и тотъ же день: онъ—государь.

Барбариго.

Злосчастный государь.

Лоредано.

А что ты скажешь

О тѣхъ, кого онъ сдѣлалъ сиротами?

Барбариго.

Да онъ ли это сдѣлалъ?

Лоредано.

Да.

Барбариго.

И ты

Способенъ доказать?

Лоредано.

Нѣтъ, государи
Рѣшаются на тайну не за тѣмъ,
Что бы она доказана могла быть,
Иль возбудить процессъ; но у меня
Такъ много есть уликъ, что о процессѣ
Я не хочу и думать.

Барбариго.

Отчего-жь?

Я призывалъ бы законъ на помощь.

Лоредано.

Я

Готовъ призвать ихъ всѣ, какіе только
Онъ намъ оставилъ.

Барбариго.

Въ этомъ государствѣ
Они такого свойства, что расправа
Здѣсь получается скорѣе, чѣмъ во всѣхъ
Другихъ странахъ.—А правда-ль будто ты
Въ своей торговой книгѣ записалъ
(Вѣдь здѣсь живутъ первѣйшіе дворяне
Торговлею): «Дожъ Фоскари—должникъ мой
За Марко и Піэтро Лоредано,
Двухъ мертвецовъ: за дядю и отца»?

Лоредано.

Я это записалъ.

Барбариго.

И не сотрешь?

Лоредано.

Пока не расквитаюсь.

Барбариго.

Какъ?

*(Два сенатора проходятъ черезъ сцену
въ залу совѣта Десяти).*

Лоредано.

Ты видишь—

Всѣ на лицо. — Иди за мною вслѣдъ.

(Лоредано уходитъ).

Барбариго. *(Одинъ).*

Идти вслѣдъ за тобой! я долго шолъ
Путемъ опустошенья, какъ волна
Вслѣдъ за волной, несущейся предъ нею,
Чтобъ поглотить колеблемый вѣтрами
Свирѣпыми корабль — и бѣдняка,
Вопящаго внутри его разбитыхъ,
Водою заливаемыхъ досокъ.

Но этотъ сынъ съ отцомъ своимъ способны
Разжалобить стихіи... и на нихъ
Я долженъ налегать, какъ эти волны...
О, еслибъ я былъ холоденъ и слѣпъ
Подобно имъ! Но, чу! его ведутъ.
Не надрывайся, сердце! вѣдь они
Твои враги; они должны твоими
Быть жертвами: ужель ты будешь биться
За тѣхъ, кто такъ разбилъ тебя?

(Входитъ стража съ молодымъ Фоскари, какъ съ арестантомъ.)
СТРАЖЪ.

Позволимъ

Ему вздохнуть.—Синьоръ, повремените.

Д. Фоскари.

Благодарю, мой другъ; я точно слабъ.
Но ты рискуешь.

СТРАЖЪ.

Это можетъ быть.

Д. Фоскари.

Ты добрый человекъ; я замѣчалъ
Къ себѣ порою жалость; но пощады
Я не видалъ; и это въ первый разъ.

СТРАЖЪ.

И быть могло-бъ въ послѣдній, еслибъ насъ
Изъ нашихъ самодержцевъ кто увидѣлъ.

БАРБАРИГО. *(Подходя къ стражу.)*

Одинъ изъ нихъ васъ видитъ; но не бойся;
Я ни твоимъ судьей быть не хочу,
Ни обвинителемъ. Совѣтъ открыть,
Но васъ еще не требуютъ: я самъ
«Изъ Десяти»; ты подождешь, пока
Дадутъ приказъ ввести его; мы вмѣстѣ
Тогда войдемъ. — Смотри за арестантомъ.

Д. Фоскари.

Ктобъ это былъ? Ахъ, это Барбариго!
Врагъ нашего семейства, изъ числа
Судей моихъ.

БАРБАРИГО.

Противъ врага такого,—

Пусть это врагъ,—въ числѣ твоихъ судей
Отецъ твой засѣдаетъ.

Д. Фоскари.

Засѣдаетъ,

Дѣйствительно.

БАРБАРИГО.

Такъ не вини законы

Въ жестокости; иначе твой отецъ
 Не могъ имѣть-бы голоса въ столь важномъ,
 Въ столь чрезвычайномъ дѣлѣ, какъ спасенье
 Республики —

Д. Фоскари.

И собственнаго сына.

Я ослабѣлъ; позвольте подышать
 Мнѣ воздухомъ, — вонъ у того окна,
 Что на воду выходитъ.

(Входитъ офицеръ и говоритъ на ухо Барбарико.)

БАРБАРИКО. *(Къ стражѣ).*

Подведите

Его къ окну: я больше не могу
 Съ нимъ говорить; я даже этой краткой
 Бесѣдою переступилъ свой долгъ,
 И долженъ объясниться предъ Совѣтомъ.

(Барбарико уходитъ, стража подводитъ Фоскари

Стражѣ.

къ окну).

Вотъ я его открою. — Какъ синьоръ
 Теперь себя находить?

Д. Фоскари.

Какъ дитя.

Венеція!

Стражѣ.

А ваши члены?

Д. Фоскари.

Члены!

О, сколько разъ они меня носили
 Надъ этою синѣющей волной,
 Когда дитѣй за дѣтскій призъ я мчался,
 Одѣтый гондольеромъ молодымъ,
 Въ гондолѣ межъ соперниковъ веселыхъ,
 Такихъ же благородныхъ, какъ и я,
 Подобно мнѣ желавшихъ отличиться
 Ребяческою силой, между тѣмъ —
 Какъ свѣтлый рой столпившихся красавицъ,
 Плебеекъ и дворянокъ, вдохновлялъ
 Насъ хохотомъ веселымъ, развѣвая
 Платки для насъ, крича, рукоплеща —
 До самаго барьера! — Сколько разъ
 Я, болѣе окрѣпнувшей рукою
 И грудью возмужалой, разсѣкалъ
 Волну неукротимую, — такъ дерзко
 Отбрасывая кудри за плеча,
 Отъ устъ моихъ руками отгребая
 Соленый валъ, который ихъ лобзалъ,

Какъ чаша искрометная; какъ гордо
 На гребнѣ волнъ я вылеталъ съ волной,
 Тѣмъ больше упиваясь, чѣмъ бурнѣе
 Волна была; какъ часто безъ ума
 Восторженный — я опускался въ бездну
 Зеленую хрустальныхъ этихъ водъ,
 До самой ихъ травы горькосолоной
 И раковинъ, — и между тѣмъ какъ страхъ
 Сжималъ сердца у зрителей, я съ шумомъ
 Вдругъ выплывалъ, держа въ моей горсти
 Залоги очевидные, что бездну
 Измѣрилъ я; и только успѣвалъ
 Меня привѣтъ громовый встрѣтить, только
 Грудь облегчить я успѣвалъ, какъ вновь
 Надъ пѣнистой волной летѣлъ, какъ чайка
 Проворная! — я былъ дитя тогда.

Стражъ.

Теперь явитесь мужемъ; бѣльшей нужды
 Вы въ этомъ не встрѣчали никогда.

Д. Фоскари. (*Глядя въ окно*).

Красавица! родная, дорогая
 Венеція! о, это тыдохнула!
 Я чувствую, что это ты своей
 Морской, адриатической прохладой
 Лицо мнѣ освѣжила; кровь моя
 Родимый вѣтеръ узнаетъ и льется
 Прохладнѣе. — О, какъ онъ не похожъ
 На знойный вѣтеръ цикладскій, что ревѣлъ
 На мой острогъ кандійскій и больную
 Мнѣ грудь щемилъ!

Стражъ.

Я снова вижу краску
 Въ лицѣ у васъ: пошли Господь вамъ силы
 Перенести — что ждетъ васъ: я боюсь
 Объ этомъ и подумать.

Д. Фоскари.

Но они,
 Конечно, не сошлютъ меня! нѣтъ, нѣтъ —
 Пусть истязаютъ: я еще здоровъ.

Стражъ.

Сознайтесь — и вашимъ истязаньямъ
 Тогда конецъ.

Д. Фоскари.

Я прежде сознавался
 Въ двухъ случаяхъ: мнѣ каждый случай стоилъ
 Изгнанія.

СТРАЖЪ.

Но третій — васъ убьетъ.

Д. Фоскари.

О если бы! тогда меня схоронятъ
На родинѣ: я предпочту скорѣй
Здѣсь прахомъ быть, чѣмъ—къмъ или чѣмъ пибудь—
Живымъ въ другихъ странахъ.

СТРАЖЪ.

Любить такъ землю,
Которая такъ ненавидитъ васъ!

Д. Фоскари.

Земля! ахъ, нѣтъ; меня земное племя
Преслѣдуетъ: родимая-жь земля,
Какъ мать, меня въ свои объятія приметъ.
Я требую немногаго: могилы,
Или тюрьмы,—чего угодно, только
Въ Венеціи.

Входитъ офицеръ.

ОФИЦЕРЪ.

Введите арестанта.

СТРАЖЪ.

Вы слышите приказъ, синьоръ.

Д. Фоскари.

Да, слышу;

Я къ этому привыкъ: меня пытаются
Ужь въ третій разъ.—Дай руку мнѣ.

ОФИЦЕРЪ.

Вотъ вамъ

Моя, синьоръ; и я сопровождать васъ
Обязанъ самой службой.

Д. Фоскари.

Вы!—но вы

Вчера моей распоряжались пыткой.
Посторонитесь! я пойду одинъ.

ОФИЦЕРЪ.

Какъ вамъ, синьоръ, угодно: приговоръ
Не мною былъ подписанъ; а совѣта
Ослушаться не могъ я, если онъ—

Д. Фоскари.

Велѣлъ тебѣ вытягивать мнѣ жилы.
Пожалуйста, подальше отъ меня.
Твоя пора придетъ еще; ты снова
Приказъ такой получишь; но пока
Не получилъ—не подходи ко мнѣ.
При видѣ рукъ, терзавшихъ эти члены,
Имъ чувствуется близость палача,

Ихъ обнимаетъ холодомъ, какъ будто...
Но я иду; что можно выносить—
Я вынесу.—Какъ смотреть мой отецъ?

Офицеръ.

Да-какъ обыкновенно.

Д. Фоскари.

Такъ! ничто

Не измѣнило вида,—ни земля,
Ни синій океанъ, ни это небо,
Ни этотъ свѣтлый городъ, ни верхи
Дворцовъ его, ни шумъ его Пиаццы; —
Вотъ и теперь веселый этотъ гамъ
Племень разноязычныхъ проникаетъ
Подъ эти даже своды, гдѣ царятъ
Невѣдомыя власти, гдѣ безъ счета
Невѣдомыя жертвы погибать.
Должны втиши;—все въ мѣрѣ сохраняетъ
Все тотъ же видъ—и даже мой отецъ!
Для Фоскари ни въ комъ нѣтъ чувства, даже
И въ Фоскари.—Синьоръ, я вашъ слуга.
(Уходятъ всѣ).

Входятъ Меммо и другой сенаторъ.

Меммо.

Здѣсь нѣтъ его; мы, значить, опоздали.
А какъ ты полагаешь: долго будетъ
Сегодня засѣданье?

Сенаторъ.

Говорятъ,

Что арестантъ все въ первомъ показаньи
Упорствуетъ; а больше ничего
Я не могу сказать тебѣ.

Меммо.

Довольно

И этого: нашъ грозный трибуналъ
Такая-жь точно тайна для первѣйшихъ
Патриціевъ, какъ и для черни.

Сенаторъ.

Мы

Живемъ одними слухами, которыхъ,
Какъ розказней о мертвецахъ, никто
Не могъ еще вполне ни опровергнуть,
Ни доказать: о состояньи дѣлъ
Въ республикѣ—мы всѣ тутъ знаемъ столько-жь,
Какъ о загробныхъ тайнахъ.

Меммо.

Но придетъ

И наше время—знать ея дѣла.
 Когда нибудь могу же быть и я
 Однимъ изъ децемвировъ.

Сенаторъ.

Или дожемъ.

Меммо.

Нѣтъ, этого я менѣе всего
 Могу желать.

Сенаторъ.

Но это главный постъ
 Въ республикѣ, и онъ открытъ для всѣхъ
 Законныхъ домогательствъ—благородныхъ
 Искателей.

Меммо.

Желаю имъ успѣха.

Мой знатный родъ излишнимъ честолюбьемъ
 Не заражонъ: на взглядъ мой единица
 Въ союзѣ полновластныхъ Десяти
 Почтительнѣй; чѣмъ одинокій нуль,
 Хоть будь онъ раззолоченъ.—Это кто?
 Супруга Фоскари?

(*Входитъ Марина съ служанкою.*)

Марипа.

Какъ! ни души?

Ахъ, виновата, даже двѣ; но только
 Сенаторскихъ.

Меммо.

Высокая синьора,

Что будетъ вамъ угодно приказать?

Марина.

Мнѣ приказать! Увы! моя вся жизнь
 Была молитвой долгой... и молитвой
 Напрасною.

Меммо.

Я понимаю васъ;

Но отвѣчать вамъ не могу

Марина. (*Запальчиво.*)

Ты правъ:

Здѣсь отвѣчаютъ только палачу,
 А спрашивать имѣютъ власть —

Меммо. (*Прерывая ее.*)

Синьора,

Опомнитесь,—здѣ вы?

Марина.

Гдѣ я? тутъ былъ

Дворецъ отца супруга моего.

МЕММО.

Дворецъ,—съ тѣмъ вмѣстѣ,—дожа.

МАРИНА.

И острогъ

Его родного сына,—не забыла
Я этого; и еслибъ для меня
Тутъ не было другихъ воспоминаній
И горше и свѣжѣе, то меня
Ты очень обязалъ бы, объяснивъ мнѣ
Высокое значеніе этихъ стѣнъ.

МЕММО.

Синьора, успокойтесь.

МАРИНА. (*Возводя глаза и руки
къ небу*).

Я спокойна.

Но ахъ, какъ Ты, какъ можешь Ты, о Боже!
Подобный міръ спокойно выносить?

МЕММО.

Но вашъ супругъ быть можетъ признанъ правымъ.

МАРИНА.

И праведнымъ... у Бога. Но оставимъ,
Синьоръ сенаторъ, этотъ разговоръ,
Я васъ прошу.—Вы человекъ служебный;
И дожъ обязанъ службой: у него
Теперь вотъ, въ этотъ мигъ, въ застѣнкѣ сынъ,
А у меня супругъ; они за этой
Стѣною вотъ, по крайней мѣрѣ, были
Тамъ часъ назадъ,—судья и подсудимый, —
Лицомъ къ лицу: что, *она* его осудитъ?

МЕММО.

Конечно, нѣтъ.

МАРИНА.

Но если нѣтъ,—то тамъ
Такіе господа есть, что осудятъ
Обоихъ ихъ.

МЕММО.

Тѣ могутъ.

МАРИНА.

А для нихъ
Возможность зла—есть вмѣстѣ и желанье
Злодѣйствовать: мой мужъ погибъ.

МЕММО.

Синьора,

Въ Венеціи другого нѣтъ судьи,
Какъ только правосудье.

МАРИНА.

Еслибъ это
 Была не ложь,—Венеціи давно бы
 Ужь не было. Желаю процвѣтать
 Ей много лѣтъ; но для чего же десять
 Созданій кровожадныхъ не даютъ
 Здѣсь людямъ умирать своею смертию?
 Ахъ,—крики!—стонъ!

(Слышенъ слабый крикъ).

СЕНАТОРЪ.

Позвольте—

МЕММО.

Это крикъ—

МАРИНА.

Не Фоскари,—не моего супруга,—нѣтъ!

МЕММО.

Но этотъ голосъ—

МАРИНА.

Не его. Чтобъ онъ—
 Кричать сталъ... нѣтъ! Скорѣе это стонеть
 Его отецъ: мой Фоскари умретъ
 Безъ крику, молча.

(Снова слышно стenanіе).

МЕММО.

Стойте—

МАРИНА.

Это онъ!

Мнѣ трудно ошибиться—и однако
 Я все еще не вѣрю.—Перестать
 Любить его, конечно, я не въ силахъ
 И послѣ этой слабости; но нѣтъ, —
 Какая же должна быть это мука,
 Которая способна вырвать стонъ
 Изъ устъ его!

СЕНАТОРЪ.

Вы въ странномъ ослѣпленіи
 Находитесь. Нельзя, чтобъ вашъ супругъ
 Могъ оставаться молча въ истязаньяхъ
 Почти не человѣческихъ.

МАРИНА.

Мы всѣ

Родимся для мученій. Если я
 Не сдѣлала безплоднымъ благородный
 Домъ Фоскари, который долженъ вдругъ
 Утратить дожа съ сыномъ, то вѣдь я,
 Давая жизнь послѣдникамъ ихъ блеска,

Перенесла не меньше, чѣмъ они,
Ее теряя, могутъ перенести.
Но я свои переносила скорби
Съ веселіемъ: конечно, я могла
Стенать въ изнеможеніи, я имѣла
Права на то; но я была тверда.
Я думала родить на свѣтъ героевъ —
И встрѣтить ихъ слезами не хотѣла.

МЕММО.

Все, кажется, умолкло.

МАРИНА.

Можетъ быть,

Все кончено. Но мнѣ отраднѣй думать,
Что онъ собрался съ силами и тернить
Въ молчаніи.

Входитъ поспѣшно офицеръ.

МЕММО.

Что тамъ такое вышло?

Куда вы, другъ, спѣшите?

Офицеръ.

За врачомъ.

Съ преступникомъ припадокъ.

(Уходитъ).

МЕММО.

Вамъ, синьора,

Не лучше ли уйти?

СЕНАТОРЪ. *(Предлагая ей услуги).*

Я даже васъ

Прошу объ этомъ.

МАРИНА.

Дальше!—Я иду

Помочь ему.

МЕММО.

Какъ, вы! Синьора, что вы?

Да въ эти двери, кромѣ Десяти
И нужныхъ имъ людей, не проникаетъ
Ничья нога другая.

МАРИНА.

Хорошо;

Я знаю, что оттоль не выходилъ
Еще никто—какимъ входилъ туда,
Что многіе совсѣмъ не выходили;
Я это знаю и хочу войти.

МЕММО.

Ахъ, это только значитъ—добиваться
Дурного обхожденья.

МАРИНА.

Кто же смѣетъ
Со мной такъ обойтись?

МЕММО.

Да тѣ, кому
Такъ съ вами поступить велить ихъ долгъ.

МАРИНА.

Такъ это даже *долгъ ихъ*—издѣваться
Надъ чувствами людскими, разрывать
Всѣ связи,—человѣка къ человѣку
Влекущія,—и въ этомъ превзойти
Всѣхъ дьяволовъ, которые за это
Современемъ надъ ними истощать
Все, все разнообразье мукъ.—Но я
Войду туда.

*(Она хочетъ идти. Меммо
слегка замираетъ ей до-
рогу).*

МЕММО.

Синьора, это будетъ
Напрасный трудъ.

МАРИНА.

Я это испытаю.

Отчаянье способно презирать
И самый деспотизмъ, а то, что я
Въ груди теперь имѣю,—легионы
Заставить разступиться предо мной.
Такъ нѣсколько тюремщиковъ безсильны
Меня остановить.—Посторонись.
Я во дворцѣ у дожа; этотъ дождь
Отецъ супруга моего,—супруга
Невиннаго.—Я выскажу имъ это.

МЕММО.

Вы этимъ раздражите лишь судей.

МАРИНА.

Какіе жь это судьи, если имъ
Доступенъ гнѣвъ? Тогда—они убійцы.
Посторонитесь!

(Уходитъ).

СЕНАТОРЪ.

Бѣдная синьора!

МЕММО.

Она совсѣмъ въ отчаяньи; но ей
Переступить порога не дадутъ.

СЕНАТОРЪ.

Дадутъ, или нѣтъ,—но дѣло въ томъ, что мужа

Ей не спасти: гляди, тотъ офицеръ
Идетъ назадъ.

(Проходитъ офицеръ съ постороннимъ лицомъ.)

Меммо.

Однако я не думалъ

Такую жалость встрѣтить въ Десяти,
Чтобъ пригласить врача къ бѣднягѣ—

Сенаторъ.

Жалость!

Да развѣ это жалость—привести
Въ признаніе несчастнаго, который
Такъ радъ бы умереть былъ, чтобъ найти
Последнее убѣжище—хоть въ смерти—
Отъ этой тиранніи?

Меммо.

Удивляюсь—

Зачѣмъ они не порѣшуть съ нимъ разомъ.

Сенаторъ.

Такая ужъ политика: хотять,
Чтобъ онъ былъ живъ, затѣмъ—что онъ за счастье
Считаетъ смерть; хотять его сослать—
И все-таки за тѣмъ, что, исключая
Венеціи, онъ видитъ въ цѣломъ мірѣ
Обширную тюрьму; что самый воздухъ
Чужой земли считаетъ онъ за ядъ,
Тѣмъ болѣе убійственный, что онъ
Медлительный.

Меммо.

Замѣть, что этотъ фактъ

Противъ него,—хоть онъ и продолжаетъ
Упорствовать...

Сенаторъ.

Во всемъ, кромѣ письма,

Имъ писаннаго къ герцогу Милана,
И будто бы—и писаннаго съ тѣмъ,
Чтобъ именно оно попало въ руки
Сенаторовъ и чтобъ изъ-за него
Быть позваннымъ въ Венецію.

Меммо.

Къ отвѣту.

Сенаторъ.

Къ отвѣту, но на родину: вотъ все,
Чего онъ домогался, — если вѣрить
Его словамъ.

Меммо.

Въ принятіи подарковъ

Онъ тоже уличенъ.

СЕНАТОРЪ.

Не очень; но
Въ убійствѣ опъ оправданъ совершенно.
Что президентъ совѣта Десяти
Убить не имъ, такъ Николай Эриццо
Признался въ этомъ дѣлѣ на духу,
Въ предсмертный часъ.

МЕММО.

Да въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ,

Онъ виновать?

СЕНАТОРЪ.

Объ этомъ ужъ поди—
Спроси у нихъ: но только всѣмъ извѣстно,
Что Альмора Донато былъ убитъ,
Какъ я ужъ объяснилъ, рукой Эриццо,
По чувству личной мести.

МЕММО.

Мудрено...

Я думаю, что этимъ непонятнымъ
Процессомъ достигаютъ не того,
О чемъ его затѣяли... Вотъ двое
Изъ Десяти: оставимъ ихъ въ покоѣ.

(Меммо и Сенаторъ уходятъ.)

Барбарисо и Лоредано входятъ.)

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, это было слишкомъ: согласись,
Что мы могли не продолжать — *при ней*
Пытать его.

ЛОРЕДАНО.

Остановить Совѣтъ—
Замедлить правосудье — потому,
Что въ наше засѣданье ворвалась
Вдругъ женщина?

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, не объ этомъ рѣчь:
Ты видѣлъ положенье арестанта.

ЛОРЕДАНО.

Онъ былъ безъ чувствъ; но онъ ихъ возвратилъ—

БАРБАРИГО.

Чтобъ потерять отъ новыхъ истязаній.

ЛОРЕДАНО.

Ну,—ихъ и прекратили.

БАРБАРИГО.

Ты и этимъ

Обидѣлся: однако большинство
Тебя не поддержало.

ЛОРЕДАНО.

Этимъ я,
Синьоръ, обязанъ вамъ и этой старой,
Безсмысленной фигурѣ дожа: я
Вамъ очень благодаренъ.

БАРБАРИГО.

Я—судья;
Но я признаться долженъ, что та часть
Суровой нашей службы, по которой
Мы прибѣгаемъ къ пыткамъ и слѣдимъ
За тѣмъ, какъ тянуть жилы, заставляетъ
Меня желать—

ЛОРЕДАНО.

Чего?

БАРБАРИГО.

Чтобъ иногда
Ты чувствовалъ то-жь самое, что я
Всегда при этомъ чувствую.

ЛОРЕДАНО.

Поди!—

Такъ чувствуютъ лишь дѣти, отъ дыханья
Готовые погнуться, отъ слезы —
Расплакаться, отъ вздоха — умилиться.
Безцѣнный для Венеціи судья!
Сановный мужъ, достойный мой товарищъ
Въ политикѣ!

БАРБАРИГО.

Ты о слезахъ напрасно
Мнѣ говоришь: онъ слезъ не проливалъ.

ЛОРЕДАНО.

Онъ вскрикивалъ два раза.

БАРБАРИГО.

При такомъ
Изысканномъ искусствѣ истязаній,
Святой бы могъ взмолиться; впрочемъ онъ
Кричалъ не о пощадѣ; этотъ крикъ
Былъ вырванъ только болью.

ЛОРЕДАНО.

Онъ все время
Ворчалъ сквозь зубы что-то.

БАРБАРИГО.

Я не слышалъ.
Ты около него стоялъ.

Лоредано.

Да, близко.

Барбариго.

Мнѣ кажется, -- хоть это очень странно, —
Ты тронутъ былъ и самъ: когда упалъ
Онъ въ обморокъ, ты первый предложилъ —
Подать ему врачебное пособие.

Лоредано.

Я полагалъ, что это былъ послѣдній
Съ нимъ обморокъ.

Барбариго.

Давно ли эту смерть,
Равно какъ смерть отца его, ты ставилъ
Предметомъ всѣхъ желаній?

Лоредано.

Если мы,
Допустимъ умереть его певиннымъ,
То есть, неуличеннымъ, — онъ умретъ
Оплаканнымъ.

Барбариго.

Ты хочешь даже *память*
Его убить!

Лоредано.

А вамъ, синьоръ, угодно,
Чтобъ онъ оставилъ дѣтямъ весь почетъ
Высокаго рожденья?

Барбариго.

Враждовать
Противъ дѣтей!

Лоредано.

Противъ всего ихъ рода,
Покуда въ немъ, иль въ собственномъ моемъ,
Есть хоть душа живая.

Барбариго.

И тебя

Ни блѣдная жена его, съ своею
Печалью безнадежной, ни старикъ
Отецъ его, который при наружномъ
Спокойствіи высокаго чела
Такъ часто измѣнялъ себѣ, — то дрожью
Внезапною, то градомъ крупныхъ слезъ
Мгновенно высухавшихъ, — такъ тебя
Не тронуло при этомъ ничего?

(Лоредано уходитъ).

Онъ такъ же молчаливъ въ своей враждѣ,
Какъ Фоскари въ своемъ терпѣннѣ. Бѣдный!

Его молчанье тронуло меня,
 Какъ самые отчаянные вопли
 Не въ силахъ были тронуть. — Этотъ мигъ,
 Когда его жена предъ трибуналомъ
 Явилась какъ безумная, и вдругъ
 Увидѣла — чего и мы не можемъ
 Безъ содраганья видѣть — мы, со всей
 Привычкой къ этимъ видамъ — этотъ мигъ
 Ужасенъ былъ! — Однако, это значитъ
 Жалѣть своихъ враговъ, позабывать
 Ихъ старыя обиды, отрекаться
 Отъ плановъ Лоредано, по которымъ
 Онъ мститъ за насъ обоихъ... только я
 Не думалъ ни желать, ни добиваться
 Столь тяжкаго возмездія, какъ онъ;
 Я в его желалъ бы видѣть склоннымъ
 Къ какимъ нибудь уступкамъ. Я такъ радъ,
 Что Фоскари дана отсрочка: этимъ
 Онъ одолженъ, безпорно, появлению
 Своей жены въ Совѣтъ. — Чу! Они? —
 Какъ слабы! какъ убиты! я не въ силахъ
 Глядѣть на нихъ. Пойду и попытаюсь
 Смягчить и Лоредано наконецъ.

14

АКТЪ ВТОРОЙ.

Сцена—внутренняя комната во дворцѣ дожа.

Дождь и Сенаторъ.

СЕНАТОРЪ.

А эту вотъ бумагу — вамъ угодно
 Скрѣпить теперь, или до утра ее
 Отложить?

Дождь.

Теперь. Я просмотрѣлъ
 Ее вчера: подъ ней не достаетъ
 Лишь подписи. — Подайте мнѣ перо.

(Дождь садится и подписываетъ бумагу).

Вотъ вамъ, синьоръ.

СЕНАТОРЪ.

Вы, государь, забылись,
 Бумага не подписана.

Дождь.

Какъ такъ? —

Ахъ, у меня глаза ужъ начинаютъ

Отъ старости слабѣть; я не замѣтилъ,
 Что слабо обмакнулъ перо. *(Опускаетъ перо въ
 чернильницу и кла-
 детъ передъ собой
 бумагу).*

СЕНАТОРЪ.

У васъ
 Рука трясется, государь: позвольте —
 Вамъ слѣдуетъ —

Дождь.

Благодарю, я кончилъ.

СЕНАТОРЪ.

Вотъ наконецъ тотъ актъ, скрѣпленный вами
 И Десятью, который миръ даетъ
 Венеціи.

Дождь.

Она его не знала
 Такъ много лѣтъ: дай Богъ, чтобъ онъ продлился
 Такой же срокъ.

СЕНАТОРЪ.

Вотъ тридцать три ужь года,
 Иль около, какъ мы ведемъ войну
 То съ турками, то противъ итальянскихъ
 Владѣтелей: республика нуждалась
 Въ спокойствіи.

Дождь.

Да, это правда. Я
 Нашолъ ее царицей океана,
 И я ее покину госпожой
 Ломбардіи: алмазы, — какъ Равенна
 И Брешиа, — горятъ въ ея вѣнцѣ
 Все по моей же милости; ты знаешь,
 Что ей принадлежатъ Пергамъ и Крымъ.
 Пока я правилъ ею, власть ея
 На сушѣ — возрасла, а на моряхъ
 Осталась столь же славной, какъ была.

СЕНАТОРЪ.

Все это справедливо, государь;
 Отечество обязано къ вамъ быть
 Признательнымъ.

Дождь.

Быть можетъ — что и такъ.

СЕНАТОРЪ.

Оно должно бы выразить вамъ это.

Дождь.

Но я, синьоръ, не жалуясь —

СЕНАТОРЪ.

Простите,

Мнѣ государь.

Дождь.

Чего?

СЕНАТОРЪ.

Я всей душою

Скорблю о васъ —

Дождь.

О мнѣ?

СЕНАТОРЪ.

И вашемъ —

Дождь.

Стойте!

СЕНАТОРЪ.

Нѣтъ, государь, я долженъ вамъ открыться:
Я столько одолженій получилъ
Отъ дома вашей свѣтлости, что быть
Безчувственнымъ къ тому, что терпитъ сынъ вашъ,
Я не могу.

Дождь.

Вамъ это поручили?

СЕНАТОРЪ.

Что, государь?

Дождь.

Болтать о томъ, чего вы

Не знаете. Однако, я трактатъ
Вамъ подписалъ: васъ могутъ ждать въ Совѣтъ,
Отколѣ васъ прислали.

СЕНАТОРЪ.

Я иду.

Но мнѣ Совѣтъ велѣлъ еще просить васъ
Назначить часъ — когда ему открыть
Присутствіе.

Дождь.

Когда ему угодно —

Теперь, — сейчасъ, — сію минуту, — я
Всегда слуга республики.

СЕНАТОРЪ.

Но онъ

Желаетъ дать вамъ время для покоя.

Дождь.

Какой покой! то есть какой покой,
Когда вредить онъ можетъ государству.
Пускай Совѣтъ собирается, какъ хочетъ;

Я буду, *идь* я долженъ быть, — *такимъ*,
Какъ я всегда былъ.

*(Сенаторъ уходитъ; Дожь остается въ молчаніи.
Входитъ служитель.)*

СЛУЖИТЕЛЬ.

Государь —

Дожь.

Ну, дальше —

СЛУЖИТЕЛЬ.

За этими дверьми стоитъ ихъ свѣтлость,
Сяньора Фоскари.

Дожь.

Пускай войдетъ.

Ахъ, бѣдная Марина!

*(Служитель уходитъ; Дожь, по прежнему, остается
въ молчаніи. Входитъ Марина.)*

МАРИНА.

Я, отецъ мой,

Быть можетъ, одиночество твое
Нарушила.

Дожь.

Дитя, ты никогда здѣсь

Не лишняя. Располагай моимъ
Всѣмъ временемъ, когда оно не нужно
Республикѣ.

МАРИНА.

Я говорить съ тобой

Хочу о немъ.

Дожь.

О вашемъ мужѣ?

МАРИНА.

Да,

О вашемъ сынѣ.

Дожь.

Дочь моя! — Ну, что же?

МАРИНА.

Мнѣ было позволеніе дано
Огъ Десяти — заботиться о мужѣ
Въ его тюрьмѣ.

Дожь.

Да, это позволенье

Дано тебѣ.

МАРИНА.

Оно отмѣнено.

Дожь.

Кѣмъ?

МАРИНА.

Десятью. Я съ Фоскари хотѣла
Взойти на «Мостъ Стенаній;» но меня
Стоящій тамъ угрюмый часовой
Не пропустилъ: послали къ Десяти;
Но такъ какъ ихъ въ Совѣтъ не застали,
А мнѣ отъ нихъ бумаги никакой
Не выдано, — мнѣ такъ и отказали.
При томъ мнѣ объяснили, что пока
Верховный судъ не соберется снова,
Я буду все въ разлукѣ.

Дождь.

Это правда.

Въ совѣтъ позабыли, второпяхъ,
Формальность соблюсти; и ты едва ли
Успѣешь въ чемъ, пока онъ не открытъ.

МАРИНА.

Пока онъ не открытъ! а онъ открытъ
Лишь для того и будетъ, чтобы снова
Его терзать; и я такой цѣною
Должна купить святѣйшее изъ правъ,
Какія только есть подъ небомъ,—право
Женѣ увидѣть мужа... Боже! Боже!
Ты видишь ли все это?

Дождь.

Дочь моя,

Дитя мое.

МАРИНА.

Не говори, что я
Твое дитя: ты скоро перестанешь
Имѣть дѣтей; ты никогда имѣть ихъ
Достойнъ не былъ,—ты, который можешь
Такъ холодно о сынѣ говорить,
Тогда какъ онъ кровавыя бы слезы
Могъ вызвать у спартанцевъ! Да, они
Не плакали о дѣтяхъ, умиравшихъ
Въ сраженіяхъ, но писано-ли гдѣ,
Чтобъ на дѣтей, терзаемыхъ на части,
Они могли глядѣть, не попытавшись
Избавить ихъ?

Дождь.

Я весь передъ тобой;
Я плакать не могу; я и хотѣлъ бы,
Да не могу; но еслибъ каждый волосъ
На этой головѣ сѣдой былъ жизнью,
А этотъ токъ всемірною короной,

А это вотъ кольцо, — котерымъ я
Съ волнами обручался, — талисманомъ,
Способнымъ усмирять ихъ, я бы все,
Все отдалъ за него.

МАРИНА.

Его спасти
Гораздо меньше стóитъ.

ДОЖЪ.

Это знакъ,
Что ты, дитя, Венеціи не знаешь.
Да какъ тебѣ и знать ее? Увы!
Она сама всѣхъ тайнъ своихъ не знаетъ.
Пойми меня: тѣ, что ведутъ подкопы
Подъ Фоскари, — и подъ его отца
Подводятъ ихъ; такъ точно какъ съ паденьемъ
Родителя сынъ все — таки погибъ.
Они идутъ различными путями
Къ единой цѣли, — это... Но, вѣдь, я
Еще не побѣжденъ.

МАРИНА.

Но ты раздавленъ.

ДОЖЪ.

И этого покуда нѣтъ, — я живъ.

МАРИНА.

А сынъ твой, — онъ какъ долго проживетъ?

ДОЖЪ.

Надѣюсь, что не меньше, — и гораздо
Счастливѣе, — чѣмъ жилъ его отецъ.
Сгарая нетерпѣньемъ возвратиться,
Безумный сорванецъ испортилъ все
Письмомъ несчастнымъ эгимъ: — преступленье
Открытое, котораго — какъ дожъ —
Я не могу отвергнуть, — какъ отецъ —
Не въ правѣ извинить. Но потерпи,
Еще немного потерпи, онъ ссылку
Кандійскую — я могъ имѣть надежды...
Онъ прошли, — онъ долженъ возвратиться.

МАРИНА.

Въ изгнанье?

ДОЖЪ.

Да.

МАРИНА.

А я могу съ нимъ тоже
Отправиться?

ДОЖЪ.

Тебѣ два раза въ этомъ

Отказывали Десять: мудрено,
 Чтобъ въ третій разъ ты той же неудачи
 Не встрѣтила,—тѣмъ больше, что твой мужъ,
 Своей виной послѣдней увеличилъ
 Обычную ихъ строгость.

МАРИНА.

Строгость? Звѣрство!

Враги людей, одной ногой въ могилѣ
 Стоящіе, съ трясучкою въ рукахъ,
 Съ безчувствіемъ сердець своихъ холодныхъ,
 Съ глазами недоступными для слезъ,
 Съ позорной сѣдью полуплѣшивыхъ
 Головъ своихъ—они весь родъ людской
 Отдать подъ судъ, закабалить готовы,
 Въ гробъ уложить его, какъ будто жизнь—
 Такая же негодность, какъ ихъ души
 Проклятыя.

Дождь.

Ты знаешь —

МАРИНА.

Знаю, — знаю

Не менѣе, чѣмъ знать ты долженъ самъ,
 Что это демоны: будь это люди,
 Которые отъ женщинъ рождены,
 Ихъ грудию питались, ихъ любили,
 Иль про любовь хотъ говорили имъ;
 Которые священные обѣты
 Пожатьемъ рукъ скрѣпляли, иль порой
 Своихъ дѣтей качали на колѣняхъ,
 И плакали надъ ними изъ-за ихъ
 Болѣзни или смерти; будь у нихъ
 Хотъ образъ человѣческой,—могли ль
 Они такъ поступить съ твоимъ рожденьемъ,
 Съ самимъ тобой, *тобой*, который ихъ
 Горою защищаешь?

Дождь.

Ты не знаешь,

Что говоришь: я не виню тебя.

МАРИНА.

Ты знаешь все; но чувствуешь ли ты
 Хотъ что-нибудь?

Дождь.

Я перенесъ такъ много,

Что ужъ слова не трогаютъ меня.

МАРИНА.

Я думаю! Ты видѣлъ—какъ въ своей

Крови твой плавалъ сынъ — и не былъ тронуть.
 Что передъ этимъ женскія слова,
 Чтобъ ты могъ ими тронуться? — не больше,
 Чѣмъ женскія — и слезы.

Дождь.

Женщина!

Я говорю тебѣ, твой громкій плачь
 Предъ этою безмолвною печалью,
 Которая... но, бѣдная Марина,
 Мнѣ жаль тебя.

Марина.

А моего супруга?

Жалѣй о немъ,—жалѣй о сынѣ! Ты
 Сжалишься!—нѣтъ, это слово чуждо
 Твоей душѣ: — какъ вырвалось оно
 Изъ устъ твоихъ?

Дождь.

Я долженъ выносить

Всѣ эти укоризны, какъ ни больно
 Мнѣ слушать ихъ: когда бы ты могла
 Лишь прочитать...

Марина.

Конечно, не въ твоихъ

Дѣлахъ, отецъ; ни на твоёмъ челѣ,
 Ни у тебя во взорахъ: гдѣ же это
 Могла бы иль могу я прочитать
 Такое чувство?

Дождь.

(Указывая на землю).

Тамъ!

Марина.

Въ землѣ?

Дождь.

Къ которой

Склоняюсь я; когда вотъ эта грудь
 Заснетъ подъ ней и мраморомъ тяжелымъ
 Притиснется, и все-таки себя
 Почувствуетъ вольнѣе, чѣмъ подъ гнетомъ,
 Ее теперь давящимъ, то ты лучше
 Поймешь меня.

Марина.

Подумаешь, что ты

И въ самомъ дѣлѣ жалокъ.

Дождь.

Жалокъ! нѣтъ;—

И самые враги мои едва ли

Презрѣннымъ этимъ словомъ захотятъ
Мое унижить имя; это имя
Останется возвышеннымъ, какъ я
Носилъ его, какимъ оно досталось
Отъ предковъ мнѣ.

МАРИНА.

Но еслибы несчастный,
Котораго не хочешь ты спасти,
Не покидалъ сиротъ—ты это имя
Носить бы могъ послѣдній.

Дождь.

И я могъ
Благодарить судьбу. Да, не родиться
Ему-бы было лучше. Онъ нашъ домъ
На вѣки обезславилъ.

МАРИНА.

Это ложь!

Вѣрнѣй, честнѣй, открытѣй, благороднѣй
И искреннѣй еще не билось сердце
Ни въ чьей груди; нѣтъ, я бь не захотѣла
Гонимаго супруга моего,
Униженнаго, ссыльнаго, всѣхъ правъ
Лишеннаго, затоптаннаго въ землю,
Ни въ жизни, ни по смерти—промѣнять
Ни на какого въ мѣрѣ паладина,
Иль сказочнаго принца, хоть бы онъ
Повелѣвалъ вселенной. *Обезславилъ!*
Онъ обезславилъ домъ твой! нѣтъ, скорѣй
Навѣки обезславилъ себя
Венеція. Я говорю тебѣ:—
Онъ для нея тягчайшей укоризной
Останется, но лишь за то, что онъ
Въ ней перенесъ, а не за то, что сдѣлалъ.
Измѣнники, тираны—это вы!
Одни лишь вы! Когда бь свою отчизну
Любили вы настолько же, какъ онъ,—
Изъ-подъ цѣпей идущій на пропятье,
Все перенести готовый, чтобъ не быть
Лишь сосланнымъ,—вы пали бь на колѣни
Тогда передъ нимъ; вы о своей винѣ
Чудовищной, въ слезахъ,
Молились бы.

Дождь.

Ты не ошиблась: онъ
Былъ этимъ всѣмъ. Я потерялъ двоихъ

Ужь сыновей: мнѣ это было легче
Джакопова безславья.

МАРИНА.

Это слово

Ты повторилъ?

Дождь.

Да развѣ въ первый разъ

Онъ судится?

МАРИНА.

Да развѣ судятъ только

Преступниковъ?

Дождь.

Я очень бы хотѣлъ,

Чтобъ время оправдало мнѣ его!

Онъ былъ моею гордостью, на немъ...

Но это бесполезно.—Я къ слезамъ

Наклоненъ очень мало; но я плакалъ

Отъ радости, въ тотъ день, когда онъ былъ

Рожденъ на этотъ свѣтъ: то были слезы

Зловѣщія.

МАРИНА.

Отецъ! онъ не виновенъ;

Но пусть ужь онъ преступникъ:—неужель

Въ минуты роковыя—отступиться

Отъ насъ должна и собственная кровь?

Дождь.

Я отъ него не отступаюсь; но

На мнѣ лежатъ обязанности, кромѣ

Родительскихъ; республика не хочетъ

Ихъ снять съ меня; объ этомъ я просилъ

Два раза,—мнѣ отказано: я долженъ

Ихъ исполнять.

Входитъ Служитель.

Служитель.

Къ вамъ, государь, съ докладомъ

Отъ Десяти.

Дождь.

А кто его принесъ?

Служитель.

Патрицій Лоредано.

Дождь.

Онъ!—а впрочемъ

Прими его.

МАРИНА.

А я уйти должна?

Дождь.

Ты можешь и остаться, если дѣло
Идетъ о немъ, а если нѣтъ...

(Къ Лоредано, который входитъ)

Синьоръ,

Что вамъ угодно?

Лоредано.

Я отъ Десяти.

Дождь.

Я нахожу ихъ выборъ превосходнымъ.

Лоредано.

Меня сюда приводитъ этотъ выборъ.

Дождь.

Онъ дѣлаетъ большую честь и ихъ
Учтивости и ихъ благоразумью—
Но къ дѣлу.

Лоредано.

Мы рѣшили.

Дождь.

Мы?

Лоредано.

Въ Совѣтъ.

Дождь.

Такъ онъ ужь собирался—и ни слова
Объ этомъ мнѣ?

Лоредано.

Онъ пощадить хотѣлъ

Лѣта и чувства ваши.

Дождь.

Это новость;—

Когда щадилъ онъ тѣ или другія?

Но, несмотря на это, я ему

Признателенъ.

Лоредано.

Вы знаете, что Десять

Имѣютъ власть—дѣла рѣшать безъ дожа,
Иль вмѣстѣ съ нимъ, по усмотрѣнью.

Дождь.

Я

Объ этомъ зналъ гораздо прежде,—прежде,

Чѣмъ сдѣлался я дожемъ, иль мечталъ

Объ этомъ возвышеньи; вамъ, синьоръ,

Не слѣдуетъ учить меня; я въ этомъ

Совѣтѣ засѣдалъ, когда вы были

Лишь молодымъ патриціемъ.

Лоредано.

Когда

Былъ живъ еще мой дядя—адмиралъ —
И братъ его—отецъ мой—я объ васъ
Огъ нихъ еще наслышанъ; вапа свѣтлость,
Конечно, не забыли ихъ: они
Скоропостижно померли, какъ тотъ,
Такъ и другой.

Дождь.

Такъ умереть, синьоръ,
Какъ умерли они, гораздо лучше,
Чѣмъ какъ нибудь иначе.

Лоредано.

Несравненно!

Но многіе желаютъ дни свои
Прожить сполна.

Дождь.

А вашъ отецъ и дядя

Не прожили?

Лоредано.

Про то могила знаетъ:

Я говорю, что смерть скоропостижно
Ихъ унесла.

Дождь.

Да что-же тутъ такого,
Чтобъ вамъ на этомъ словѣ ударять?

Лоредано.

Я ничего не вижу тутъ; напротивъ,
Ихъ смерть была такой простою вещью,
По моему, какъ только можетъ быть.
А вы иначе думали?

Дождь.

Что думать

О смертныхъ мнѣ иначе?

Лоредано.

Что у нихъ

Смертельные враги есть.

Дождь.

Я васъ понялъ:

Вашъ родъ съ моимъ вражду имѣлъ, а вы
Всеу теперь наслѣдникъ.

Лоредано.

Вамъ вѣрнѣй

Объ этомъ знать.

Дождь.

Я знаю. Вашъ отецъ

И дядя вашъ со мной считались местию;
 Я слышалъ про полѣпную молву,
 Читалъ и эпитафію, въ которой
 Причиною ихъ смерти ставятъ ядъ.
 Въ ней, можетъ быть, ни чуть не меньше правды,
 Чѣмъ въ надписяхъ надгробныхъ вообще;
 Но это не мѣшаетъ быть ей—сказкой.

Лоредано.

Кто бъ это могъ сказать мнѣ?

Дождь.

Я!—Вы правы,

Родитель вашъ столь заклятымъ врагомъ
 Былъ для меня, какъ никогда не можетъ
 Быть сынъ его; такъ точно какъ и я
 Былъ врагъ ему; но я ему врагомъ
 Открытымъ былъ: я никогда въ Совѣтъ
 Не поджигалъ, не распускалъ клеветъ
 Въ республикѣ; тутъ не было, синьоръ,
 Ни яду, ни кишжала; ваша жизнь
 Поручкой въ этомъ служить.

Лоредано.

Я не трусь.

Дождь.

Я человѣкъ такой, что вамъ быть трусомъ
 Причины нѣтъ; но будь я тѣмъ, чѣмъ вы
 Считать меня хотѣли—вы, конечно,
 Теперь бы ужъ давно ни передъ чѣмъ
 Не трусили.—Мнѣ все равно, враждуйте.

Лоредано.

Я этого не зналъ, чтобъ дворянинъ
 Въ Венеціи могъ опасаться дожа
 За жизнь свою,—конечно, если дождь
 Ведетъ себя открыто.

Дождь.

Но вѣдь я

Не просто дождь; я означаю *больше*,—
 По крайней мѣрѣ прежде означалъ,—
 По крови, по связямъ, и папослѣдокъ
 Самъ по себѣ: объ этомъ хорошо
 Извѣстно всѣмъ, которые боялись
 Избравъ меня, и влѣдствію того,
 Все сдѣлали, что смѣли, чтобъ меня
 Огосторонить: такъ вѣрьте, если бъ я
 Тогда, теперь, нль хоть когда-нибудь —
 Такъ много вамъ значенья придавалъ,
 Чтобы желалъ отъ васъ освободиться,

То я однимъ дыханьемъ могъ создать
 Такихъ духовъ, которые могли бы
 Васъ обратить въ ничто! Но я во всѣхъ
 Дѣлахъ моихъ проникнуть былъ строжайшимъ
 Вниманіемъ не только къ тѣмъ законамъ,
 Которые обязываютъ васъ
 Имѣть ко мнѣ вниманье,—и я вамъ
 Могъ доказать бы это, опираясь
 На власть мою, когдабъ я захотѣлъ
 Васъ вразумить (я говорю о васъ,
 Какъ объ одномъ изъ многихъ),—нѣтъ, я былъ,
 Какъ я сказалъ, проникнуть уваженьемъ,
 Какъ жрецъ предъ алтаремъ святымъ, къ правамъ,
 Къ величію, довольству, процвѣтанью
 Республики; я этимъ чувствомъ къ ней
 Проникнуть былъ до жертвы ей здоровьемъ,
 Спокойствіемъ и кровью... Ну, синьоръ,
 Скажите мнѣ въ чемъ дѣло.

Доредано.

Рѣшено, —

Не повторяя пытки и допроса,
 Которые лишь клонятся къ тому,
 Чтобъ обличить въ преступникѣ упорство,
 А также во вниманье взявъ законъ
 О прекращеніи пытокъ вслѣдъ за полнымъ
 Сознаніемъ, и примѣнивъ къ нему,
 Что арестантъ отчасти ужь сознался,
 Отнюдь не отвергая, что письмо
 Въ Миланъ на имя герцога писалъ онъ,—
 Вернуть Джакомо Фоскари опять
 Въ изгнаніе, взявъ для того галеру
 Ту самую, которая его
 И привезла.

Марина.

Благодарю, мой Боже!

Его не станутъ болѣе влечить
 На этотъ судъ ужасный. Еслибъ онъ,—
 Подобно мнѣ,—и не одинъ онъ,—всякій,
 Живущій здѣсь,—могъ только разсудить...
 Онъ высшаго не пожелалъ бы счастья,
 Какъ быть вдали отъ родины такой.

Дождь.

Такая мысль, дитя мое, не можетъ
 Быть названа венеціанской.

Марина.

Нѣтъ;

Она бы не могла быть названа
Въ то время человѣческой. — А я
Могу, синьоръ, съ нимъ раздѣлить изгнанье?

Лоредано.

Совѣтъ объ этомъ умолчалъ.

Марина.

Я такъ

И думала, — вѣдь это былъ бы тоже
Поступокъ человѣческій. — Но онъ
Не запретилъ?

Лоредано.

Объ этомъ я поминую

Тамъ не было.

Марина. (*Къ Дожу*).

Такъ ты, отецъ, конечно,

На это мнѣ получишь или дашь
Согласіе; а что до васъ, синьоръ, —
Вы только не противьтесь моему
Ходатайству.

Дожъ.

Я буду помогать.

Марина.

А вы, синьоръ?

Лоредано.

Могу ли я, синьора,

Противиться любезности Совѣта?

Марина.

Любезности! — избрать такое слово,
Чтобы назвать...

Дожъ.

Дитя мое, подумай,

При комъ ты говоришь!

Марина.

При государѣ

И подданномъ его.

Лоредано.

И подданномъ?

Марина.

Ахъ, это вамъ обидно, — хорошо:
Вы равные, какъ вы хотите думать;
Хоть этого, и нѣтъ и никогда
Не можетъ быть, — будь онъ простолюдиномъ; —
Но хорошо: вы дворянинъ, вы принцъ,
Вы равные; — а что же я, синьоръ?

Лоредано.

Вы отрасль благороднаго семейства.

МАРИНА.

И нахожусь въ неменьше благородномъ
Въ замужествѣ. Такъ чье же бы теперь
Присутствіе моей свободной рѣчи
Могло мѣшать?

ЛОРЕДАНО.

Присутствіе судей
Супруга вашего.

ДОЖЬ.

И уваженье,
Котораго малѣйшія слова
Правителей Венеціи достойны.

МАРИНА.

Храните эти правила для робкихъ
Поденьщиковъ, для вашихъ торгашей
И данниковъ, невольниковъ изъ грековъ
И изъ далматъ, для вашихъ шутовскихъ
Патриціевъ, для безъязычныхъ гражданъ,
Для сборовъ и шпионовъ, для своихъ
Галерныхъ и другихъ рабовъ,—которыхъ
Полночные аресты ваши съ ихъ
Короткою расправой, ваши тюрьмы
Подъ крышами, въ подвалахъ, подъ водой,
Ночныя ваши сходбища, безгласность
Таинственныхъ рѣшеній, произволь
И беззаконность казней, «Мостъ Стенаній»,
Застѣнокъ вашъ и въ немъ хранимый адъ
Орудій мукъ—въ васъ заставляютъ видѣть
Какихъ-то исполиновъ зла!—но я
Васъ не боюсь; я знаю васъ,—ахъ, знаю—
По адскому процессу надъ моимъ
Несчастливымъ Фоскари.—Вамъ остается
Ту-жь самую любезность показать
На мнѣ самой; но я ужь этотъ опытъ
Перенесла при видѣ—какъ ему
Вытягивали жилы: такъ чего же
Бояться остается мнѣ *отъ васъ*,
Будь даже я изъ робкихъ, хоть я вовсе
Не такова?

ДОЖЬ.

Все это такъ безумно,
Вы слышите.

МАРИНА.

Быть можетъ, безразсудно;
Но отчего жь безумно?

Доредано.

Я, снѣбора,
 Не вынесу съ собою за порогъ,
 Чтѣ слышалъ здѣсь, конечно, кромѣ дѣлъ
 Ресублики, которыхъ мы касались
 Съ ихъ свѣтлостью. Имѣетъ ли чтѣ дожъ
 Мнѣ поручить?

Дождъ.

Да, кое-что отъ дожа
 И отъ отца, быть можетъ.

Доредано.

Я сюда
 Былъ присланъ только къ дожу.

Дождъ.

Такъ скажите,
 Чтѣ дожъ пайдетъ особаго посла,
 Иль передастъ, чтѣ будетъ нужно, лично;
 Чтѣ до отца—

Доредано.

Я помню о своемъ.—
 Счастливый день,—цѣлую ваши ручки,
 Свѣтлѣйшая снѣбора; мой поклонъ
 Примите, дожъ.

(Доредано уходитъ).

Марина.

Ну,—ты теперь доволенъ?

Дождъ.

Ты можешь это видѣть.

Марина.

Это тайна.

Дождъ.

Все въ человекѣ тайна: кто постигнетъ
 Ее кромѣ создавшаго его?
 И если есть отважные умы,
 Которые стараются проникнуть
 Въ столь гнусный фоліантъ, какъ «Человекъ,»
 Корпятъ въ поту надъ этими листами
 Кровавыми и черными,—надъ сердцемъ
 И мозгомъ человеческимъ,—они
 Опасною и гибельной для нихъ
 Увлечены наукой: мы творимъ
 Гнуснѣйшія дѣла на этомъ свѣтѣ;
 Всѣ наши преимущества—дары
 Случайности: рожденіе, богатство,
 Здоровье, красота—все это случай.
 И если мы порою вопіемъ

Противъ судьбы, то намъ одно безумье
 Мѣшаетъ вразумиться, что судьба
 Не въ силахъ ничего отнять у насъ,
 Кромѣ того, что намъ дала; за тѣмъ
 Все остальное—наша нагота,
 Желанія, склонности, пороки
 Да суетность,—всеобщій нашъ удѣлъ
 Тѣмъ болѣе тяжолый, чѣмъ мы дальше
 Стоимъ отъ скромной доли, гдѣ нужда,
 Свирѣпствуя всей силою проклятыя,
 Велѣвшаго ѣсть человѣку хлѣбъ
 Въ поту лица,—смиряетъ въ немъ всѣ страсти,
 Кромѣ боязни голода!—Вездѣ
 Фальшивость, ложь, ничтожность: наша слава
 Зависитъ отъ дыханія людей,
 Жизнь—отъ чего-то меньшаго, чѣмъ даже
 Дыханіе, длина ея—отъ дней,
 Дни—отъ временъ годовыхъ; словомъ, все въ насъ
 Зависитъ отъ чего-то, кромѣ насъ!
 Ничто не въ нашей волѣ: мы рабы
 Отъ малыхъ до великихъ; нашей волей
 Былинка управляетъ точно такъ же,
 Какъ ураганъ; въ тотъ мигъ, какъ мы вождями
 Мечтаемъ быть, мы болѣе всего
 Идемъ вслѣдъ за другими, и идемъ
 Еще навстрѣчу смерти... этой гостыи,
 Которая, какъ множество другихъ
 Случайностей, какъ самое рожденье,
 Приходитъ къ намъ безъ вѣдома для насъ,
 Безъ выбора... Вотъ почему порой
 Я думаю, что вѣрно согрѣшили
 Мы гдѣ нибудь—въ другомъ, отжившемъ мірѣ,
 А *этотъ*—только адъ; чѣмъ онъ хорошъ—
 Такъ тѣмъ, что онъ не вѣченъ.

МАРИНА.

Мы объ этихъ
 Вещахъ судить не можемъ на землѣ.

ДОЖЬ.

Такъ какъ же намъ судить другъ друга, если
 Мы всѣ—земля, и какъ же мнѣ судей
 Надъ сыномъ быть? Я управлялъ моей
 Отчизною побѣдоносно, честно;
 Я это доказать могу ей
 Ландкартою: я увеличилъ *вдвое*
 Республику, и вотъ, взамѣнъ того,

Признательной Венеціи обязанъ
Я только тѣмъ, что сдѣланъ одинокимъ.

МАРИНА.

А Фоскари? но эти размышленья
Касаются тебя лишь;—я хочу
Быть всюду съ нимъ.

ДОЖЬ.

И будешь; въ этомъ трудно
Имъ отказать.

МАРИНА.

Пускай откажутъ—я
Могу бѣжать.

ДОЖЬ.

Ты этого не можешь,
Да и куда?

МАРИНА.

Не знаю,—все равно—
Ну, въ Сирію, въ Египетъ, къ оттоманамъ
Или еще куда-нибудь, гдѣ воздухъ
Не огороженъ тюрьмами, гдѣ жить
Возможно безъ шпионовъ, гдѣ не знаютъ
Указовъ инквизиторскихъ, какъ здѣсь.

ДОЖЬ.

Такъ неужель ты хочешь, что бы мужъ твой
Былъ ренегатъ? погерпишь, чтобъ онъ сталъ
Измѣнникомъ?

МАРИНА.

Не онъ измѣнникъ, нѣтъ!
Измѣнница страна, что отвергаетъ
Такого изъ сыновъ своихъ, какъ онъ.

ДОЖЬ.

Я за невѣрность родинѣ моей
Не заслужилъ укоровъ.

МАРИНА.

Нѣтъ, ты вѣренъ
Законамъ остаешься,—хоть такимъ,
Что древніе драконы предъ ними—
Лишь кодексъ милосердыя.

ДОЖЬ.

Я законовъ
Не составлялъ; я ихъ засталъ. Будь я
Простымъ здѣсь гражданиномъ—я бы въ нихъ
Могъ предложить поправки, но какъ дожъ,
Я не рѣшусь, въ видахъ семейной пользы,
На перемѣну хартии, дошедшей

Къ намъ отъ отцовъ.

Марина.

Ужель они ее

Для гибели дѣтей своихъ писали?

Дождь.

Венеція возвысилась такими
Законами до этого, чтобъ быть
Соперницей дѣяній, долголѣтья,
Могущества, и—я добавлю—славы
(Мы съ римскою душою знали гражданъ
Между себя), и наконецъ всего,
Что только Римъ и Карфагенъ имѣли
Великаго въ цвѣтушіе ихъ дни,
Когда народъ державствовалъ посредствомъ
Сенаторовъ.

Марина.

Скорѣй—скажи—стоналъ

Подъ гнетомъ олигарховъ.

Дождь.

Можетъ быть,

Но покорялъ вселенную; въ подобной
Республикѣ—будь частный человекъ
Первѣйшимъ гражданиномъ по богатству
И знатности, иль вовсе нищимъ будь,
Безъ имени,—онъ все равно ничто.
Правительство, стремясь къ великой цѣли,
Должно держать политику въ рукахъ.

Марина.

Ты болѣе правитель, чѣмъ отецъ.

Дождь.

Я больше гражданинъ, чѣмъ что-нибудь.
Не будь подобныхъ гражданъ между нами,
Какъ тысячи ихъ было,—и они
Всегда, надѣюсь, будутъ,—этотъ городъ
Могъ ничего не значить на землѣ.

Марина.

Будь проклятъ этотъ городъ, гдѣ законы
Природу заглушаютъ.

Дождь.

Еслибъ я

Такъ много сыпвей имѣлъ, какъ много
Имѣю лѣтъ, я отдалъ бы ихъ всѣхъ,
Хоть съ горестью, но я бы отдалъ ихъ
Отечеству, чтобъ исполнять его
Желанія во флотъ иль на сушѣ,

И если суждено (увы! и это
Уж суждено), въ изгнаньи, въ кандалахъ,
Подъ остракизмомъ—всюду, гдѣ оно
Имъ только указать могло.

МАРИНА.

И это

Патріотизмъ? я вижу тутъ одно
Лишь варварство. Позволь мнѣ видѣть мужа.
При всемъ своемъ усердіи, Совѣтъ,
Конечно, съ слабой женщиной не будетъ
Такъ враждовать, чтобъ запретить ей входъ,
Минутный входъ—въ темницу мужа.

ДОЖЬ.

Я

Берусь тебѣ доставить разрѣшенье
На этотъ входъ.

МАРИНА.

Что Фоскари сказать

Могу я отъ отца его?

ДОЖЬ.

Чтобъ онъ

Смирися предъ закопомъ.

МАРИНА.

А потомъ?

Ужель ты съ нимъ не хочешь предъ отъѣздомъ
Увидѣться? Быть можетъ, это будетъ
Въ послѣдній разъ.

ДОЖЬ.

Въ послѣдній! сынъ мой! сынъ!
Въ послѣдній разъ съ послѣднимъ изъ дѣтей
Увидѣться!—Скажи, что я зайду.

(Уходятъ.)

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Сцена—тюрьма Джакопо Фоскари.

ФОСКАРИ. (Одинъ.)

Все сумрачно; чуть брезжетъ слабый свѣтъ
Вдоль этихъ стѣнъ, гдѣ нѣтъ другого эха,

Какъ вздохъ тюремной скуки, шумъ шаговъ,
 Звенящихъ кандалами, стонъ печали,
 Предсмертное томленье, или крикъ
 Отчаянья! Межь тѣмъ я возвратился
 Въ Венецію *за этимъ*,—не совсѣмъ,
 Конечно, безъ надежды, чтобы время,
 Стирающее мраморъ, не могло
 Стереть вражды съ сердець людскихъ: я мало
 Ихъ зналъ тогда;—и здѣсь вотъ схоронить
 Теперь обязанъ собственное сердце,
 За то, что въ немъ другого чувства нѣтъ
 Къ Венеціи, какъ то, съ какимъ голубка,
 Досыта накружившись въ высотѣ,
 Слѣшитъ къ гнѣзду далекому—привѣтитъ
 Свою неоперенную семью.

(Подходитъ къ стѣнѣ.)

Что за слова на этой непреклонной
 Стѣнѣ тутъ нацарапаны?—темно—
 Не разберешь. Ахъ! имена несчастныхъ,
 Здѣсь до меня сидѣвшихъ, число,—дни
 Отчаянья,—слова сердечной муки,
 Для многихъ слишкомъ тяжелой. Этотъ листъ
 Гранитный—ихъ исторія, такъ точно,
 Какъ ихъ и эпитафія; онъ мнѣ
 Передаетъ сказанья о несчастныхъ,
 Какъ мощный дубъ, съ нарѣзкой на своей
 Корѣ съдой, передаетъ счастливцу
 Любовную исторію.—Я вижу
 Здѣсь имена знакомыя, увы!
 Не менѣе покрытыя позоромъ,
 Какъ и мое, которое внести
 Хочу я въ эту лѣтопись, что пишутъ,
 Равно какъ и читаютъ, лишь одни
 Несчастные.

*(Вырываетъ свое имя. Входитъ
 тюремный смотритель.)*

Тюр. Смотритель.

Я вамъ принесъ обѣдъ.

Фоскари.

Поставьте тутъ; со мной прошолъ ужъ голодъ;
 Но мнѣ палить уста,—воды!

Тюр. Смотритель.

Извольте.

Фоскари. *(Напившись.)*

Благодарю; мнѣ лучше.

Тюр. Смотритель.

Я имѣю

Вамъ сообщить, что вашъ допросъ отсроченъ.

ФОСКАРИ.

Надолго ли?

Тюр. Смотритель.

Не знаю. У меня

Въ приказѣ также значится, чтобъ вашу
Свѣтлѣйшую супругу пропустить.

ФОСКАРИ.

Они-таки смягчились! А ужь я

На это и надежду потерялъ;

Да и пора.

(*Входитъ Марина.*)

МАРИНА.

Мой милый! милый мой!

ФОСКАРИ. (*Цѣлуя ее.*)

Подруга неизмѣнная,—мой другъ
Единственный!

МАРИНА.

Мы больше разставаться

Не будемъ ужь.

ФОСКАРИ.

Какъ, неужель ты хочешь

Здѣсь раздѣлять тюрьму со мною?

МАРИНА.

Да,

Застѣнокъ и могилу,—хоть могилу
Позднѣй всего: вѣдь мы другъ другу будемъ

Чужіе тамъ,—но только и ее

Я раздѣлю съ тобою,—все на свѣтѣ,

Кромѣ разлуки; я перенесла

Ихъ двѣ уже: довольно!—Какъ, мой милый,

Ты переносишь *это*,—какъ твои

Изъязвленные члены?—Ахъ, о чемъ

Тутъ спрашивать? Такая блѣдность—

ФОСКАРИ.

Это

Отъ радости свиданія съ тобою;

Я ждалъ тебя такъ мало, что во мнѣ

Вся кровь прильнула къ сердцу; ну,—а ты?—

Да ты блѣднѣй меня, Марина.

МАРИНА.

Это

Отъ темноты;—твой вѣчный казематъ,

Не знавшій никогда дневного свѣта,

Печальный этот факелъ—твоего
 Приставника—съ своимъ огнемъ смолистымъ,—
 Скорѣе приходящимся сродни
 Полночной тьмѣ, чѣмъ свѣту,—и миазмы
 Тюрьмы твоей, здѣсь застилаютъ все,
 Не исключая глазъ твоихъ;—ахъ, нѣтъ! —
 Она горятъ, ахъ, какъ горятъ, мой милый!

ФОРКАРИ.

Отъ этого я факела ослѣпну,
 Мнѣ кажется.

МАРИНА.

А я—такъ безъ него.

Ужель ты можешь видѣть тутъ?

ФОСКАРИ.

Сначала

Почти не могъ; но время и привычка
 Со тьмой меня освоили, и мнѣ
 Вотъ этотъ свѣтъ, похожій на мерцанье
 Дневныхъ лучей сквозь трещину стѣны,
 Былъ веселѣй полуденнаго блеска,
 Горѣвшаго на шпицахъ... не на шпицахъ
 Венеціи, конечно; я какъ разъ
 Предъ тѣмъ, какъ ты вошла сюда, писалъ здѣсь.

МАРИНА.

Что?

ФОСКАРИ.

Собственное имя. Погляди

Оно вотъ тутъ занесено на память,
 Близъ имени того, кто здѣсь сидѣлъ
 Передо мной.

МАРИНА.

А что же съ нимъ случилось?

ФОСКАРИ.

Конецъ людей межъ этихъ стѣнъ есть тайна,
 Доступная, быть можетъ, имъ однимъ.
 Такія стѣны строятъ надъ землей
 Лишь мертвецамъ, да тѣмъ, кого готовятъ
 Отправить къ нимъ. Ты спрашиваешь—что
 Случилось съ нимъ? Такъ точно скоро спросятъ
 И обо мнѣ и, можетъ быть, въ отвѣтъ
 Одинъ намекъ двусмысленный, ужасный
 Получать точно такъ же, если только
 Ты не расскажешь повѣсти моей.

МАРИНА.

Мнѣ о тебѣ рассказывать?

ФОСКАРИ.

Такъ что-жь?

Вѣдь обо мнѣ въ то время будетъ можно
Всѣмъ говорить
За память о себѣ
Я поручусь; за жизнь—съ трудомъ... а впрочемъ
Я не боюсь за обѣ.

МАРИНА.

Жизнь твоя

Пощажена.

ФОСКАРИ.

Ну,—а свобода?

МАРИНА.

Пусть

Душа создастъ свою.

ФОСКАРИ.

Прекрасный звукъ!

Но это—звукъ! гармонія его
Властительна, но скоропреходяща.
Душа, конечно, много, но не все.
Я рисковалъ опасностію смерти,
И болѣе, чѣмъ смерти,—если смерть
Есть только сонъ глубокій,—я безъ стога
Подъ пыткою лежалъ, а если крикъ
Внезапный издавалъ, то онъ безславилъ
Моихъ судей скорѣе, чѣмъ меня:
Вотъ чѣмъ душѣ обязанъ я; но это
Еще не все; есть вещи несравненно
Ужаснѣе,—какъ на примѣръ вотъ эта
Громадная тюрьма, гдѣ я могу
Быть брошенъ навсегда.

МАРИНА.

Увы! и эта

Огромная тюрьма есть все, чѣмъ ты
Владѣешь въ государствѣ, гдѣ отецъ твой
Поставленъ государемъ.

ФОСКАРИ.

Эта мысль

Меня не утѣшаетъ. Я несу
Судьбу довольно общую; въ темницахъ
Не мало есть людей, хотя и точно
Межь ними никого нѣтъ, кто-бъ такъ близко

Сидѣлъ къ дворцу отцовскому, какъ я.
 И все-таки я будто воскресаю
 По временамъ, и будто предо мной
 Сквозь этотъ лучъ темничный, засоренный
 Мирьядами пылинокъ, вдругъ мелькнетъ
 Какая-то надежда,—хоть всѣ виды,
 Которые я вижу здѣсь—вотъ эта
 Свѣтящаяся муха, да вонъ тотъ
 Большой паукъ въ своей мудреной сѣти
 Гнѣздящійся, да иногда ночникъ
 Тюремщика.—Увы, я очень знаю,
 Способна-ль насъ поддерживать душа:
 Я самъ имѣю душу,—и на это
 Свидѣтели найдутся... но она
 Въ уединеньи чахнетъ: я не созданъ
 Затворникомъ.

МАРИНА.

Я буду жить съ тобою.

ФОСКАРИ.

Ахъ, еслибы! но этого доселѣ
 Тебѣ не разрѣшали, и конечно
 Не разрѣшать: я буду все одинъ
 Вдали людей, безъ книгъ,—безъ этихъ копій
 Обманчивыхъ съ обманчивыхъ людей.
 Я спрашивалъ недавно самыхъ скромныхъ
 Вещей у *нихъ*: сказаній лѣтописныхъ,
 Исторіи,—иль назови какъ хочешь
 Тѣ очерки, которые людей
 Передаютъ, какъ будто бы портреты,
 Изъ рода въ родъ,—и получилъ отказъ.
 Я долженъ былъ предметомъ изученья
 Поставить свой острогъ и эти стѣны,
 Которыя съ ихъ плѣсенью и мракомъ
 Въ сто разъ вѣрнѣй изображаютъ намъ
 Исторію Венеціи, чѣмъ эти
 Палаты недалекія отсель,
 Хранящія портреты сотни дожей
 Съ подробнымъ описаніемъ ихъ дѣлъ.

МАРИНА.

Но я хочу сказать тебѣ рѣшенье
 Твоей судьбы въ совѣтъ Десяти.

ФОСКАРИ.

Я зналъ его заранѣй—погляди!

(Показываетъ ей свои ранъ
 съ тѣмъ, чтобы напомнить о му-
 кахъ, которымъ его подвергали.)

МАРИНА.

Ахъ, нѣтъ, — не это, — нѣтъ! они устали
Свирѣпствовать.

ФОСКАРИ.

Такъ что же?

МАРИНА.

То, что ты
Вернуться долженъ въ Кандію.

ФОСКАРИ.

Тогда—

Я потерялъ послѣднюю надежду.
Я могъ терпѣть тюрьму: она была
Въ Венеціи; я выносить могъ пытку: —
Здѣсь воздухъ стороны родной меня
Поддерживалъ: корабль, гонимый бурей,
Еще не унываетъ, если онъ
Путь продолжать способенъ и бороться
Съ свирѣпствомъ волнъ; но тамъ, вдали, на этомъ
Невольничьемъ, проклятомъ острову,
Тамъ и душа подобная вотъ этой
Казалась сокрушонной — какъ ладья
Забитая волнами. — Если снова
Меня сошлютъ, я буду изсыхать
По каплѣ тамъ.

МАРИНА.

А здѣсь?

ФОСКАРИ.

Здѣсь могутъ *разомъ*
Покончить все; и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Какъ, неужель мнѣ такъ же и въ гробницѣ
Отцовъ моихъ откажутъ, какъ въ наслѣдствѣ
И въ домѣ отказали?

МАРИНА.

Другъ мой! я
Надѣюсь исходатайствовать право —
Сопутетвовать тебѣ. Твоя любовь
Къ странѣ неблагодарной и жестокой
Не есть патриотизмъ, а только страсть.
Что до меня, то мнѣ равны всѣ страны
И климаты, лишь былъ бы только ты
Спокоенъ и свободенъ. Эта груда
Дворцовъ и тюремъ не есть, конечно, рай;
Венеція начальнымъ основаньемъ
Обязана несчастнымъ бѣглецамъ.

ФОСКАРИ.

Я знаю какъ они несчастны были!

МАРИНА.

Ты видишь, между тѣмъ, какъ отъ татаръ
На этихъ островахъ пустыхъ скрываясь,
Они съ античной твердостью души, —
Единственнымъ наслѣдствомъ ихъ отъ Рима, —
Создали постепенно этотъ Римъ
Океаническій; ужели зло,
Которое къ добру ведетъ такъ часто,
Убить тебя способно?

ФОСКАРИ.

Еслибъ я

Отчизну покидалъ какъ патріархи
Старинные, ища своимъ стадамъ
Земли другой, иль еслибъ изъ Сіона
Былъ изгнанъ, какъ евреи, иль какъ наши
Прапрадѣды, Италію свою
Оставить принужденные Аттилой
Для этихъ острововъ, то я своей
Покинутой отчизнѣ посвятилъ бы
Слезъ нѣсколько и много, много думъ...
Ну, а за тѣмъ, такъ точно какъ другіе,
Я принялся бы строить новый домъ
И государство новое: быть можетъ, —
Я бъ въ силахъ былъ все это перенести....
А можетъ быть и нѣтъ.

МАРИНА.

Зачѣмъ же нѣтъ?

Таковъ удѣлъ миллионовъ былъ, и снова
Миряды ждетъ такая участь.

ФОСКАРИ.

Да,

Мы знаемъ лишь о тѣхъ, что уцѣлѣли
Въ своихъ отчизнахъ новыхъ, ихъ трудахъ,
Количествѣ, успѣхахъ, но никто
Не исчислялъ сердецъ, разбитыхъ молча, —
При самой ли разлукѣ иль потомъ, —
Болѣзнію, въ которой предъ глазами
Изгнанника надъ бездною морской
Такъ живо представляются родныя,
Зеленныя поля, что онъ готовъ
Ходить по нимъ, когда бъ его насильно
Не берегли. Ты слышала ль про эту
Мелодію, которую во всемъ
Несчастный житель горъ воображаетъ, —
Томясь вдали отъ скалъ своихъ родныхъ
И облаковъ узорныхъ, — до того,

Что, сладкою отравой упиваясь,
Онъ съ тѣмъ и умираетъ. Это *слабость*,
Ты говоришь! О, вѣрь, что это сила.
Тотъ ничего не любить, кто не любитъ
Страны родной.

МАРИНА.

Такъ повинуйся ей:
Она тебя къ изгнанью присудила.

ФОСКАРИ.

Да, это такъ: мысль эта тяготѣетъ
Проклятемъ материнскимъ надо мной.
Изгнанники, которыхъ ты на память
Мнѣ привела, въ путь отправлялись свой
Народами, сцѣпившись на дорогу
Рука съ рукой; они свои палатки
Раскидывали вмѣстѣ: я — одинъ.

МАРИНА

На этотъ разъ ты не одинъ, и я
Иду съ тобою.

ФОСКАРИ.

Добрая Марина!

А наши дѣти?

МАРИНА.

Дѣти... я боюсь,
Что гнусная политика Совѣта, —
Которая желаетъ разрывать
Всѣ связи, будто нитки, — не потерпитъ
Чтобъ мы съ собой ихъ взяли.

ФОСКАРИ.

И ты можешь
Оставить ихъ?

МАРИНА.

Могу. Мнѣ это будетъ
Мучительно; они еще такъ малы;
Но я могу оставить ихъ, чтобъ ты
Былъ менѣе дитѣю. Научись
Изъ этого владѣть самимъ собою,
Когда къ тому обязываетъ долгъ;
А на землѣ нашъ первый долгъ — терпѣть.

ФОСКАРИ.

Я не терпѣлъ еще!

МАРИНА.

О, слишкомъ — слишкомъ
Довольно для того, чтобъ научиться
Своей настоящей жребій перенести:

Въ сравненіи съ тѣмъ, что перенесъ ты, это—
Лишь благодать.

Фоскари.

Ахъ! ты не покидала

Венеціи ни разу, никогда
Не видѣла ея прекрасныхъ башенъ,
Отъ взора убѣгающихъ, межъ тѣмъ
Какъ бѣгъ кормы,—какъ я извѣдалъ это,—
При каждой бороздѣ своей, тебѣ
Надрѣзывалъ бы сердце; ты ни разу
Не видѣла, какъ догараетъ день,
И золотомъ и пурпуромъ блистая,
На нашихъ колокольняхъ, и потомъ,
Увидѣвъ ихъ во снѣ, не просыпалась
Съ тѣмъ, чтобъ найти, что это былъ лишь сонъ.

Марина.

Я это испытаю. Намъ цора
Готовиться оставить этотъ городъ
Возлюбленный (ты, кажется, никакъ
Не въ силахъ разлюбить его) и этихъ
Правителей, которые тебѣ
Признательность его такъ выражаютъ.
Здѣсь дяди позаботятся мои
И дождь о нашихъ дѣтяхъ: мы должны
На корабль быть къ ночи.

Фоскари.

Это скоро.

Ужель отца я не увижу?

Марина.

Нѣтъ, —

Увидишь.

Фоскари.

Гдѣ?

Марина.

Иль здѣсь, иль во дворцѣ,
Онъ не сказалъ. — Я очень бы желала,
Чтобъ ты свою могъ осылку выносить,
Какъ онъ ее выносить.

Фоскари.

Ты его

Не осуждай. Я самъ ропщу порою;
Но онъ не въ состояннн былъ иначе
Вести себя: видъ жалости, иль чувства
Привлечь могъ подозрѣнне Десяти
На старческую голову его, —
А на мою — сугубыя гоненья.

МАРИНА.

Сугубья! да развѣ есть у нихъ
Еще какія муки, отъ которыхъ
Они тебя избавили?

ФОСКАРИ.

Я могъ

Венецію покинуть, не простившись
Съ отцомъ, какъ и съ тобою: мнѣ могли
И это запретить, какъ поступили
Со мной при первой ссылкѣ.

МАРИНА.

Это правда.

И я теперь должница гѣсударства;
Но я вполнѣ одолжена имъ буду
Въ то время лишь, когда мы по волнамъ
Свободнымъ будемъ мчаться дальше-дальше,
Хотя-бъ на самый край земли, — отъ этой
Неправедной, безчеловѣчной, и—

ФОСКАРИ.

Не проклинай ее. Какъ скоро я
Молчанье сохраняю, кто мою
Очизну обвинять посмѣетъ?

МАРИНА.

Люди

И ангелы! кровь цѣлыхъ мириадъ,
Дымящаяся къ небу, плачь и стоны
Рабовъ въ цѣпяхъ, людей сидящихъ въ тюрьмахъ,
Мужей и жонъ, отцовъ и матерей,
И подданныхъ, зависящихъ такъ рабски
Отъ десяти безумныхъ стариковъ,
Твое молчанье, наконецъ.—Кто можетъ
Такое порицанье ей сказать,
Какимъ должно считать твою защиту?

ФОСКАРИ.

Такъ будемъ же собираться, если намъ
Такъ суждено. Кто тамъ идетъ?

*Входитъ Лоредано съ двумя
тюремщиками.*

ЛОРЕДАНО. (*Къ тюремщикамъ.*)

Уйдите,

А факель здѣсь оставьте.

ФОСКАРИ.

Вы, синьоръ.

Пріятный посѣтитель. Я никакъ
Не могъ предполагать, чтобъ вы своимъ

Присутствіемъ почтили это мѣсто
Несчастное.

Лоредано.

Не думайте, что въ этихъ
Мѣстахъ я въ первый разъ.

Марина.

И не въ послѣдній
Конечно бы вы были въ нихъ, — когдабъ
Всѣ люди награждались по заслугамъ.
Вы оскорблять пришли насъ, иль шпионить,
Иль въ качествѣ заложника за насъ?

Лоредано.

Нѣтъ, я съ другою цѣлью здѣсь, снѣбора;
Я къ вашему супругу—съ объявленіемъ
Рѣшенія Десяти.

Марина.

Вы опоздали,
При всей своей любезности: оно
Извѣстно.

Лоредано.

Какъ?

Марина.

Я объявила мужу,
Не такъ, конечно, ласково, какъ вы
Могли-бъ при вашихъ чувствахъ это сдѣлать,
Но только онъ ужъ знаетъ—чѣмъ обязанъ
Онъ вашимъ сослуживцамъ: если вы
Пришли за благодарностью,—примите
Ее отъ насъ и згяньте съ нашихъ глазъ!
Темничный мракъ здѣсь, кажется, безъ васъ
Довольно густъ и полонъ всякихъ гадъ,
Не меньше отвратительныхъ, хоть жало
У нихъ честнѣй.

Фоскари.

Я умоляю—будь
Спокойнѣе: что пользы намъ съ тобою
Въ такихъ словахъ?

Марина.

Онъ долженъ знать, что знаютъ
Кто онъ такой.

Лоредано.

Прекрасный полъ имѣетъ
Свои права.

Марина.

Я сыновей имѣю:

Со временемъ они еще *не такъ*
Признательны вамъ будутъ.

ЛОРЕДАНО.

Вы имъ очень
Похвальное дадите воспитанье.
Такъ приговоръ вамъ, Фоскари, извѣстенъ?

ФОСКАРИ.

Я въ Кандію,—обратно?

ЛОРЕДАНО.

Да, *по жизньъ*.

ФОСКАРИ.

Ненáдолго.

ЛОРЕДАНО.

Я вамъ сказалъ *по жизньъ*.

ФОСКАРИ.

Ненадолго—я повторяю вамъ.

ЛОРЕДАНО.

Съ годичнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ,
И съ полною свободою потомъ
На цѣломъ острову.

ФОСКАРИ.

Такъ двѣ тюрьмы —

Съ свободою и безъ нея: мнѣ обѣ
Равны, синьоръ. Жена мнѣ тоже будетъ
Сопутствовать?

ЛОРЕДАНО.

Да, если пожелаетъ.

МАРИНА.

Кто оказалъ мнѣ эту справедливость?

ЛОРЕДАНО.

Одинъ изъ тѣхъ, кто въ женщинахъ не видитъ
Враговъ своихъ.

МАРИНА.

И потому тиранить
Однихъ мужчинъ; однако за подарокъ —
Единственный, какой мнѣ сдѣлать могъ
Подобный человекъ—я выражаю
Ему мою признательность.

ЛОРЕДАНО.

Конечно,

Онъ такъ ее и приметъ, какъ она
Приносится.

МАРИНА.

О, если бы онъ *такъ же*
Могъ съ ней и благоденствовать!

ФОСКАРИ.

Синьоръ,

Вы кончили со мной?—Намъ дали срокъ
Не слишкомъ продолжительный для сборовъ.
А между тѣмъ вы видите, что ваше
Присутствіе тревожитъ эту даму,
Которой домъ настолько же дворянскій
Какъ вашъ, синьоръ.

МАРИНА.

Нѣтъ, болѣе дворянскій.

ЛОРЕДАНО.

Какъ болѣе дворянскій?

МАРИНА.

Такъ какъ онъ
Породистѣй. Вѣдь мы же называемъ
«Породистымъ» коня, чтобъ отличить
Всю чистоту его высокой крови.
Зачѣмъ же не назвать и человѣка
«Породистымъ?» Какъ скоро мы хотимъ
Давать значеніе роду, то скорѣе
По свойствамъ, чѣмъ по давности; а мой,
Бывъ столько же стариннымъ, какъ и вашъ,
Гораздо знаменитѣй превосходствомъ
Своихъ дѣтей;—не хмурьтесь на меня
Такъ пасмурно,—подите хмурьтесь лучше
Надъ родословнымъ деревомъ своимъ,
Созрѣвшимъ для гибели,—поди
И покраснѣй, что ты найдешь тамъ предковъ,
Которыхъ бы краснѣть заставилъ сынъ
Такой, какъ ты, холодный ненавистникъ,
Ты, злобная душа!

ФОСКАРИ.

Опять, Марина...

МАРИНА.

Опять! *еще* Марина! онъ сюда
Пришолъ пресытитъ ненависть свою,
Въ послѣдній разъ взглянуть на наши скорби:
Такъ пусть онъ ихъ раздѣлитъ —

ФОСКАРИ.

Это трудно.

МАРИНА.

Нѣтъ ничего, напротивъ, легче: онъ
Ужъ ихъ и раздѣляетъ; да, онъ можетъ
Подъ мраморнымъ челою своимъ, подъ этой
Улыбкой ядовитой скрывать

Всѣ роды мукъ, но онъ ихъ раздѣляетъ.
 Святое слово истины смущаетъ
 Слугъ дьявольскихъ такъ точно, какъ и ихъ
 Властителя. Я надъ его душою
 Минутный опытъ сдѣлала предъ тѣмъ,
 Какъ ей горѣть огнемъ неугасимымъ.
 Гляди, онъ отступаетъ отъ меня
 Со смертью, съ кандалами, съ заточеньемъ
 Въ своихъ рукахъ; онъ видитъ въ нихъ свое
 Оружіе, но не свою кольчугу:
 Мои слова проникли вплоть до сердца
 Его холодной груди. Пусть теперь
 Онъ хмурится еще грознѣй,—мы можемъ
 Съ тобой лишь умереть, а онъ—лишь жить,
 И для него нѣтъ ничего ужаснѣй
 Такой судьбы: въ немъ дьяволъ съ каждымъ днемъ
 Вѣрнѣй свою добычу будетъ видѣть.

ФОСКАРИ.

Ты вовсе—какъ безумная—

МАРИНА.

Быть можетъ,

Но кто же обезумилъ насъ?

ДОРЕДАНО. (*Къ Фоскари*).

Оставьте,

Меня не обижаетъ это.

МАРИНА.

Ложь.

Вы думали свой леденящій взоръ
 Порадовать здѣсь тысячью печалей;
 Вы думали побѣдой безсердечной
 Упитаться здѣсь, услышать наши просьбы
 Напрасныя, увидѣть наши слезы,
 Подслушать наши вздохи, посмотрѣть
 На бѣдняка, какимъ теперь сталъ мужъ мой
 Изъ сына государя, словомъ, вы
 Пришли сюда за тѣмъ, чтобъ поругаться
 Надъ падшими,—поступокъ, предъ которымъ
 Палачъ бы отступилъ, какъ передъ нимъ
 Самимъ всѣ отступаютъ. Много-ль вы
 Успѣли въ этомъ дѣлѣ? Мы несчастны,
 Мы такъ, синьоръ, несчастны, какъ могли
 Насъ сдѣлать ваши козни, какъ того
 Могло желать лишь мщенье; ну а вы
 Какъ чувствуете это?

ДОРЕДАНО.

Какъ скала.

МАРИНА.

Грозою опаленная! она
 Нечувствуетъ, но тѣмъ не меньше громомъ
 Раздроблена. Ну, Фоскари, идемъ.
 Пусть этотъ ненавистникъ остается
 Одинъ тутъ въ казематѣ; онъ одинъ
 Такой тюрьмы достоинъ, и покуда
 Онъ самъ не сядетъ на цѣпь въ ней, ей будетъ
 Недоставать достойнаго жильца.

(Входитъ Дожъ).

ФОСКАРИ.

Отецъ!

Дождь.

Джакопо! сынъ мой, сынъ!

ФОСКАРИ.

Отецъ!

Я такъ давно не слышалъ, какъ мое
 Ты произносишь имя, наше имя.

Дождь.

Дитя мое! Когдабъ ты зналъ —

ФОСКАРИ.

Синьоръ,

Я не ропталъ, иль рѣдко.

Дождь.

Я и это

Все чувствовалъ.

МАРИНА.

Дождь, оглянись!

(Указываетъ на Лоредано).

Дождь.

Я вижу

Того синьора.—Что же?

МАРИНА.

Осторожность!

ЛОРЕДАНО.

Синьора восхваляетъ добродѣтель,
 Въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ могла-бъ служить
 И образцомъ.

МАРИНА.

Гдѣ добродѣтель? это

Простое поведеніе людей,
 Съ порокомъ обращаться принужденныхъ;
 Я точно такъ могла бъ предостеречь

И всякаго, нождь чьими бы ногами
Увидѣла ехидну.

Дождь.

Дочь моя,
Ты слишкомъ увлекаешься; я знаю
Давно ужь Лоредано.

Лоредано.

Онъ, конечно,
Для васъ извѣстенъ лучше.

Марина.

Да, онъ хуже
Не можетъ быть извѣстенъ.

Фоскари. *(Къ жель)*.

Перестань
Прощальные часы терять на эти
Упреки бесполезные.— Отецъ
Я не могу повѣрить,—неужели
Мы видимся въ послѣдній разъ?

Дождь.

Ты видишь
Сѣдые эти волосы!

Фоскари.

И знаю,
Кромѣ того, что до такихъ волосъ
Не доживу я.— Поцѣлуй меня.
Я никогда не могъ тебя сильнѣе
Любить, чѣмъ въ этотъ часъ; но я всегда
Любилъ тебя, родитель. Береги
Дѣтей моихъ. Пускай они замѣнятъ
Все для тебя, чѣмъ былъ когда-то я,
И никогда не будутъ—чѣмъ я нынѣ
Сталъ для тебя. Конечно, я и съ ними
Прощусь?

Марина.

Постой—не здѣсь.

Фоскари.

Имъ все равно
Родителя увидѣть гдѣ нибудь.

Марина.

Но только не въ такомъ проклятомъ мѣстѣ,
Гдѣ бь въ жилахъ ихъ младенческихъ могла
Застыть вся кровь, а ихъ любовь—смѣшаться
Съ болзнію. Я вовсе не затѣмъ
Лыбляла ихъ сонъ, всегда держала
Ихъ въ сытости, чтобъ вдругъ теперь открыть имъ
Что ихъ отецъ—лишонный правъ изгнанникъ,

Его судьба, конечно, может быть
 Наслѣдствомъ ихъ, но пусть она покуда
 Наслѣдствомъ остается, пусть *владыни*
 Придетъ позднѣй. Ихъ чувства точно такъ-же
 Доступны для любви, какъ и для страха;
 А этотъ смрадъ и плѣсень этихъ волнъ
 Съ ихъ тиною зеленой, что надъ этой
 Тюрьмой подвальной плещутъ и сюда
 Заразой проникаютъ,—въ состоянн
 Ихъ поразить: нѣтъ, эта атмосфера
 Имъ пагубна,—хотя при этомъ, ты,
 И ты, и *вы*, достойный Лоредано,
 Вы даже особливо, здѣсь могли бъ
 Безъ всякаго вреда для васъ дышать.

Фоскари.

Я съ этимъ соглашаюсь.—Такъ я ихъ
 Оставлю не простившись?

Дождь.

Нѣтъ, ты съ ними

Простишься во дворцѣ,—тамъ,—у меня.

Фоскари.

Ужель я ихъ оставить долженъ всѣхъ?

Лоредано.

Да, вы должны.

Фоскари.

Зачѣмъ же всѣхъ?

Лоредано.

Они

Принадлежать республикѣ.

Марина.

А я

Считала ихъ своими.

Лоредано.

И считайте

Во всемъ, къ чему обязываетъ васъ
 Долгъ матери.

Марина.

То есть, во всемъ—что есть

Печальнаго. Они больны—такъ я
 Обязана ухаживать за ними;
 Они умрутъ—я ихъ должна оплакать
 И схоронить;—но ежели они
 Останутся въ живыхъ, такъ ихъ назначать
 Въ сенаторы, въ невольники, въ солдаты,
 Въ изгнанники—во что лишь захотятъ;
 А если это дочери—съ приданымъ,

Ихъ отдадутъ, иль продадутъ въ невѣсты
Патриціямъ! И вотъ въ чемъ всѣ заботы
Республики о сыновьяхъ своихъ
И матеряхъ!

Лоредано.

Вамъ надо поспѣшить,
Пока попутный вѣтеръ —
Фоскари.

Какъ вы вѣтеръ
Узнали здѣсь, гдѣ никогда своею
Прохладой онъ не вѣетъ?

Лоредано.

Я замѣтилъ,
Какъ шолъ сюда; а на полетъ стрѣлы
Отъ Рива Скиавони ждетъ галера.

Фоскари.

Я думаю, родитель, что дѣтей
Заранѣе бы нужно приготовить
Къ свиданью съ ихъ отцомъ.

Дождь.

Будь твердъ, мой сынъ!

Фоскари.

Отецъ, я постараюсь.

Марина.

Такъ — прощай,
Проклятая темница, какъ и тотъ,
Кому *онъ* былъ минувшимъ заточеньемъ
Такъ много одолжонъ.

Лоредано.

И настоящей

Свободою.

Дождь.

Онъ правду говоритъ.

Фоскари.

Безъ всякаго сомнѣнья; онъ съ меня
Снялъ кандалы, чтобы надѣть другія
Тягчайшія; онъ это зналъ: иначе
Онъ и мѣнять не сталъ бы ихъ. Но я
Не жадаюсь.

Лоредано.

Синьоръ, пора.

Фоскари.

Увы!

Я никогда не думалъ, что такое

Убѣжище я буду оставлять
 Съ печалю; но чувствуя, что каждый
 Мой шагъ отсель есть въ то же время шагъ
 И изъ Венеціи, я озираюсь
 На мрачныя, сырыя стѣны, и—
 Дождь.

Дитя! безъ слезъ—

МАРИНА.

Нѣтъ, пусть онѣ прольются;
 Онѣ ихъ не лилъ подѣ пыткой, изъ боязни
 Безславія; теперь онѣ ему
 Не сдѣлаютъ безславья,—а дадутъ.
 Быть можетъ, облегченье этой груди
 Незлобивой; придетъ пора, когда
 Я осушить могу ихъ, или съ ними
 Смѣшать свои; и-бъ и теперь готова
 Съ нимъ зарыдать, но это былъ бы слишкомъ
 Любезный видъ для этого синьора.
 Пойдите. Дождь, веди насъ.

ЛОРЕДАНО. (*Къ тюремщику*).

Факелъ!

МАРИНА.

Да,

Свѣти намъ къ погребальному костру.
 Межъ тѣмъ какъ Лоредано съ сокрушеньемъ
 Наслѣдника пойдетъ за нами въ слѣдъ.

Дождь.

Мой сынъ, ты слабъ; возьми за эту руку.

ФОСКАРИ.

Увы! за эту руку, для которой
 Я долженъ бы опорю служить!

ЛОРЕДАНО.

Вотъ вамъ моя.

МАРИНА.

Не прикасайся къ ней,
 Она тебя ужалитъ. Прочь, синьоръ!
 Я васъ могу увѣрить, — еслибъ этой
 Рукой вы захотѣли насъ извлечь
 Изъ пропасти, въ которую насъ ввергли,
 Мы и тогда-бъ не прикоснулись къ ней.
 Вотъ, Фоскари, рука, предѣ алтаремъ
 Врученная тебѣ; она не въ силахъ
 Спасти тебя, но быть поддержкой — можетъ.

(*Уходятъ*).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Сцена — одна изъ дворцовыхъ залъ, какъ въ первомъ актѣ.

Входятъ Лодерано и Барбариго.

БАРБАРИГО.

Ты думаешь, что этотъ планъ успѣетъ?

ЛОРЕДАНО.

Я думаю.

БАРБАРИГО.

Какое испытанье

Въ его лѣта!

ЛОРЕДАНО.

Скорѣй—благодѣянье:

Онъ будетъ облегченъ отъ всѣхъ заботъ
Общественныхъ.

БАРБАРИГО.

Я думаю,—въ немъ сердце

На части разобьется.

ЛОРЕДАНО.

Ты въ немъ сердце

Нашолъ еще?—Онъ видѣлъ сердце сына
Разбитымъ предъ собою—и смотрѣлъ,
Какъ истуканъ.

БАРБАРИГО.

Наружно,—я согласенъ,—

Онъ, точно, твердъ. Но этотъ строгій видъ
Казался мнѣ порой столь безотраднымъ,
Что самая крикливая печаль
Ему бы позавидовать не смѣла.
Онъ гдѣ теперь?

ЛОРЕДАНО.

Тамъ, въ собственныхъ покояхъ,

Со всей породой Фоскари—и съ сыномъ.

БАРБАРИГО.

Прощаются?

ЛОРЕДАНО.

Въ послѣдній разъ, какъ онъ

И съ дожествомъ проститься долженъ скоро.

БАРБАРИГО.

Сынъ отплываетъ нынѣ?

ЛОРЕДАНО.

Вслѣдъ за этимъ

Прощаньямъ безконечнымъ; имъ не худо
Напомнить бы объ этомъ.

БАРБАРИГО.

Потерпи.

Ты очень ужъ торопишься.

ЛОРЕДАНО.

Не я,

А нужды государства: этотъ день
Назначенъ быть послѣднимъ днемъ правленья
Изношеннаго дожа, какъ и первымъ
Послѣдняго изгнанья для его
Наслѣдника и сына: вотъ мое
И мщеніе.

БАРБАРИГО.

По моему, ужъ слишкомъ

Жестокое.

ЛОРЕДАНО.

Нисколько; даже легче,

Чѣмъ жизнь за жизнь, какъ это искони
Считается закономъ; мнѣ они
Должны еще за жизнь отца и дяди.

БАРБАРИГО.

Дождь называлъ все это клеветой—
Тебѣ въ лицо.

ЛОРЕДАНО.

Да, называлъ.

БАРБАРИГО.

И ты

И этимъ все не разувѣренъ?

ЛОРЕДАНО.

Нѣтъ.

БАРБАРИГО.

Но если ужъ на этомъ изложенъ
Мы настоять рѣшились,—то оно
Должно произойти со всѣмъ вниманьемъ
Къ его лѣтамъ, его дѣламъ, заслугамъ
И званію.

ЛОРЕДАНО.

Располагай какъ хочешь

По части церемоній; этимъ я
Не огорчусь. Пускай Совѣтъ къ нему
Отправится, пожалуй, на колѣнахъ,
Какъ Барбаросса къ папѣ, только бѣ онъ
Былъ такъ учтивъ и сдѣлалъ отреченье.

БАРБАРИГО.

Но если онъ не сдѣлаетъ его?

Лоредано.

Мы изберемъ другого; онъ за штатомъ
Останется.

Барбариго.

Но будетъ ли за насъ
Законъ стоять?

Лоредано.

Какой законъ? законъ
Весь въ Десяти; а еслибъ это было
Иначе-какъ,—то я на этотъ случай
Явлюсь законодателемъ.

Барбариго.

И примешь
Всю на себя отвѣтственность?

Лоредано.

Ея
Не можетъ быть: я говорю, что мы
Не превышаемъ правъ своихъ.

Барбариго.

Но онъ
Два раза ужъ просилъ объ удаленьи;
Ему отказъ два раза сдѣланъ былъ.

Лоредано.

Тѣмъ лучшая причина—уступить
На этотъ разъ.

Барбариго.

Безъ просьбы?

Лоредано.

Это знакъ,
Что прежнія ходатайства его
Произвели вліянье: если онъ
Былъ искрененъ, онъ будетъ благодаренъ;
А если нѣтъ, пусть лицемѣрье будетъ
Наказано.—Пойдемъ; я полагаю,
Теперь пора. Такъ *будьте же тверды*
На этотъ разъ. Я доводы такіе
Несу съ собой, что трону весь Совѣтъ;
И такъ какъ мнѣ расположенъ членовъ
И мысли ихъ извѣстны,—такъ ужъ *вы*
Не будьте хоть чувствительны, какъ это
Вамъ свойственно; васъ просятъ объ одномъ,
Не вмѣшиваться въ дѣло.

Барбариго.

Еслибъ я
Былъ убѣжденъ, что это не преддверье
Такого же гоненья на отца,

Какое вы обрушили на сына,
Я былъ бы вамъ поддержкой.

Лоредано.

Но вѣдь я
Вамъ говорю, что восемьдесятъ пять
Годовъ его тянуться могутъ столько,
Какъ только онъ способенъ ихъ влечить.
Пусть здравствуетъ, и если отъ него
Хотятъ чего, такъ это только трона.

Барбариго.

Властители низложенные рѣдко
Бываютъ долговѣчны.

Лоредано.

Старикъ

Почти ста лѣтъ еще гораздо рѣже.

Барбариго.

Зачѣмъ же намъ не подождать бы этихъ
Немного лѣтъ?

Лоредано.

Затѣмъ, что мы ужь ждали
Довольно съ насъ; онъ дольше жилъ—чѣмъ сколько
Довольно бы съ него.—Идемъ въ Совѣтъ.

(Лоредано и Барбариго уходятъ).

Входятъ Меммо и Сенаторъ.

Сенаторъ.

Какую бы Совѣтъ имѣлъ въ насъ пужду?
Чтобъ это означать могло?

Меммо.

Спроси

У Десяти: у нихъ такого нѣтъ
Обычая, чтобъ извѣщать заранѣй
О предстоящемъ дѣлѣ. Насъ зовутъ—
И все тутъ,—и довольно.

Сенаторъ.

Да, для нихъ,
Но не для насъ; я-бъ знать хотѣлъ—зачѣмъ.

Меммо.

Мы это и узнаемъ, если будемъ
Покорными; а нѣтъ, такъ мы узнаемъ,
Зачѣмъ бы намъ тутъ слѣдовало быть—
Покорными.

Сенаторъ.

Я имъ сопротивляться
Не думалъ, но...

Меммо.

Въ Венеціи измѣной:

Считаютъ «Но»; оставьте эти «Но»;
Иль можетъ быть, вамъ нравится прогулка
Черезъ этотъ «Мостъ», котораго обратно
Почти не переходятъ?

СЕНАТОРЪ.

Я молчу.

МЕММО.

Къ чему такъ колебаться? Десяти
Угодно приказать, чтобъ въ засѣданье
На помощь имъ явились двадцать пять
Патрициевъ сенатскихъ;—мы съ тобою
Изъ ихъ числа; случайность намъ обонимъ
Тутъ помогла, иль выборъ, я считаю
Попастъ въ совѣтъ столь царственный—за честь.

СЕНАТОРЪ.

Все это справедливо: я ни слова.

МЕММО.

И такъ какъ мы надѣемся и сами,—
Такъ какъ и всѣ надѣются, синьоръ,
(То есть, всѣ тѣ, чей родъ дворянской крови) —
Быть тоже децемвиромъ, то для насъ,
Избранниковъ сената, безъ сомнѣнья,
Здѣсь истинная школа мудрецовъ.
Мы будемъ новичками между ними,
Однакоже мы можемъ увидать
Ихъ таинства.

СЕНАТОРЪ.

И поглядѣть на нихъ,—

Чего они, конечно, стоятъ.

МЕММО.

Да;

Рѣшись мы разболтать ихъ—это стоитъ
Намъ будетъ нашей жизни; такъ они
Чего нибудь да стоятъ,—безъ сомнѣнья,—
По крайней мѣрѣ, намъ съ тобою.

СЕНАТОРЪ.

Я

Въ святилище попать не добивался;
Но бывъ почтенъ избраньемъ, я съумѣю
Исполнить долгъ.

МЕММО.

Мы можемъ опоздать
Явить свою покорность Десяти.

СЕНАТОРЪ.

Я съ вами соглашаюсь, хоть и знаю,
Что мы придемъ едва-ль не раньше всѣхъ.

Меммо.

На важныхъ совѣщаньяхъ никогда
Не худо быть изъ рано-приходящихъ.
(Уходятъ).

Входятъ Дожь, Джакомо Фоскари и Марина.

Фоскари.

Родитель! я обязанъ, я согласенъ
Отправиться, но я тебя молю
Добейся позволенья мнѣ—вернуться
На родину. Пусть самый длинный срокъ
Назначатъ мнѣ, какой угодно длинный,
Но только бъ срокъ урочный, какъ маякъ,
Мнѣ вдалекѣ видѣлся; пусть они
Прибавятъ наказанья мнѣ, но только
Позволятъ возвратиться.

Дожь.

Сынъ, Джакомо,
Исполни приговоръ своей страны:
Заглядывать вперед.—не наше дѣло.

Фоскари.

Однако же я не могу, родитель,
Назадъ не бросить взгляда. Умоляю,
Подумай обо мнѣ.

Дожь.

Увы! ты былъ
Дражайшимъ изъ дѣтей моихъ и прежде,
Когда ихъ было много; и теперь, —
Послѣдній между ними,—ты не меньше
Любезенъ мнѣ. Но еслибъ отъ меня
Республика потребовала ссылки
Костей твоихъ трехъ братьевъ, что теперь
Въ землѣ лежатъ, и если бы ихъ тѣни
Въ отчаянны летали вокругъ меня,
Чтобъ помѣшать разрытію ихъ праха,
Я все-таки исполнилъ бы свой долгъ,
Превосходящій всякій долгъ...

Марина.

Мой другъ!

Отправимся: мы этимъ лишь продолжимъ
Печаль свою.

Фоскари.

Но насъ еще никто
Не требуетъ; я парусовъ не вижу
Распущенныхъ: кто знаетъ? самый вѣтеръ
Перемѣниться можетъ.

МАРИНА.

Только онъ
 Ни ихъ сердець перемѣнить не можетъ,
 Ни участи твоей: насъ повезутъ
 Изъ пристани на веслахъ.

ФОСКАРИ.

Вы, стихин!

Гдѣ ваши бури?

МАРИНА.

У людей въ сердцахъ.
 Ужель тебя ничто не успокоитъ?

ФОСКАРИ.

Нѣтъ, никогда къ святителю-патрону
 Морякъ не возсыладъ такихъ молитвъ,
 Прося вѣтровъ попутныхъ и пріятныхъ,
 Какъ я теперь взываю къ вамъ, святые
 Хранители моей отчизны! къ вамъ,
 Которые не болѣе святою
 Ее любовью любите, чѣмъ я!
 Взволнуйте Адриатику до самыхъ
 Глубокихъ безднъ, заставьте ураганъ,
 Владыку бурь, проснуться и ревѣть,
 Пока мой трупъ не выброситъ волною
 На мой родимый берегъ, гдѣ лежитъ
 Пустынный Лидо, гдѣ меня засыплетъ
 Пескомъ страны, которую люблю
 И никогда ужь не увижу больше!

МАРИНА.

И этого желаешь ты въ то время,
 Когда и я на томъ же кораблѣ
 Плаву съ тобой?

ФОСКАРИ.

Нѣтъ, нѣтъ, — не для тебя
 Я этого желаю, — не тебѣ,
 Столь ласковой, столь доброй! долго, долго
 Будь матерью дѣтей, которыхъ ты
 Изъ-за твоей любви ко мнѣ, столь вѣрной,
 На время покидаешь безъ своей
 Опоры материнской. — Я молю
 Лишь одному себѣ того... пусть всѣ,
 Всѣ вѣтры поднебесные задышутъ
 На нашъ заливъ, взревутъ на мой корабль, —
 До той поры, пока его матросы
 Смущенные въ отчаяньи своемъ
 Не взглянутъ на меня, какъ финикійцы
 Когда-то на Юну, и меня

Не выбросать, какъ жертву, чтобы волны
 Утихнули. Пусть поглотитъ меня
 Соленый валъ; онъ будетъ милосерднѣй,
 Чѣмъ чловѣкъ; онъ понесетъ меня,
 Хоть мертвецомъ, но понесетъ... въ могилу
 Родимую, которую рыбакъ
 Мнѣ выроетъ на берегу пустынномъ,
 На берегу, который изъ своихъ
 Безчисленныхъ осколковъ никогда
 Не видѣлъ столь разбитаго, какъ эта
 Въ то время будетъ грудь... Но отчего жь
 Она не разобьется? для чего
 Мнѣ жить еще?

МАРИНА.

Чтобъ быть самимъ собою
 Со временемъ, и побѣдить свою
 Тоску по этой родинѣ... Несчастливымъ
 Ты былъ всегда, но никогда такимъ
 Стенающимъ: и что же это значитъ
 Передъ тюрьмой и пыткой? а межъ тѣмъ
 Ты перенесъ ихъ молча.

ФОСКАРИ.

Вдвое, втрое,
 Въ сто разъ больнѣе пытку!... Впрочемъ, ты
 Всегда права: я долженъ покориться, —
 И я—Отецъ! твое благословенье.

ДОЖЬ.

Ахъ, еслибы оно могло тебѣ
 Доставить только пользу! Тѣмъ не меньше,
 Мое благословенье надъ тобой.

ФОСКАРИ.

Прости.

ДОЖЬ.

Кого?

ФОСКАРИ.

Мать бѣдную мою
 За то, что я родился, и меня
 За то, что жилъ, и самого себя
 За то, что ты низвелъ, какъ мой родитель,
 Даръ жизни на меня.

МАРИНА.

Но, милый мой,
 Что жь ты такое сдѣлалъ?

ФОСКАРИ.

Ничего.

На совѣсти моей нѣтъ никакого

Пятна, кромѣ печали; но я былъ
Такой судьбой необщю наказанъ
И посѣщенъ, что долженъ допустить,
Что я злодѣй. И если это правда,
Дай Богъ, чтобъ то, что перенесъ я здѣсь
Спасло меня отъ мукъ подобныхъ *тамъ*.

МАРИНА.

Не бойся; *тамъ* готовятъ это
Мучителямъ твоимъ.

ФОСКАРИ.

Позволь мнѣ думать,

Что нѣтъ.

МАРИНА.

Что нѣтъ?...

ФОСКАРИ.

Я не могу желать

Имъ *всѣмъ* подобной кары.

МАРИНА.

Всѣмъ! сторицей

Проклятымъ этимъ извергамъ! И пусть
Тамъ червь неумирающій ихъ точить
Безъ усталы.

ФОСКАРИ.

Они, придти способны

Въ раскаянне.

МАРИНА.

Пусть придутъ: небеса

Огъ демоновъ не примутъ покаянья.

Входитъ офицеръ и стража.

ОФИЦЕРЪ.

Синьоры! галера съ якоря снята,
Встаетъ попутный вѣтеръ; мы готовы
Вамъ предложить услуги.

ФОСКАРИ.

Я готовъ

Ихъ принимать. Отецъ, еще разъ, руку!

ДОЖЬ.

Пожми ее. Увы! ты чуть владѣешь
Рукой своей —

ФОСКАРИ.

Нѣтъ, это ты, родитель,

Самъ ослабѣлъ. Прощай!

ДОЖЬ.

Прощай, а больше

Ты ничего не скажешь?

ФОСКАРИ.

Ничего.

(Къ офицеру).

Позвольте опереться мнѣ, синьоръ.

ОФИЦЕРЪ. *(Подавая ему руку).*

Я вашъ слуга. Вы блѣдны, очень блѣдны,
Ахъ, помогите! поскорѣй! воды!

МАРИНА.

Онъ при смерти.

ФОСКАРИ.

Ну,—я готовъ; ведите —

Я ничего почти не вижу.

(Опускается на полъ).

МАРИНА. *(Къ офицеру).*

Прочь!

Позвольте мнѣ смѣнить васъ. *(Наклоняется къ
Фоскари).*

Милый, милый!

Какъ слабо бьется—Боже!—этотъ пульсъ
И это сердце.

ФОСКАРИ.

Свѣту! Дайте свѣту!

Я ослабѣлъ.

ОФИЦЕРЪ. *(Подавая воду, принесен-
ную однимъ изъ стражи).*

Ему, быть можетъ, лучше

Поможетъ вольный воздухъ.

ФОСКАРИ.

Я надѣюсь.

Жена, родитель, ваши руки!

МАРИНА.

Боже!

Онъ умираетъ. Фоскари! Мой милый!

Скажи мнѣ, милый, какъ ты —

ФОСКАРИ.

Хорошо.

(Умираетъ).

ОФИЦЕРЪ.

Онъ умеръ.

Дождь.

Онъ свободенъ.

МАРИНА.

Умеръ! нѣтъ.

Я говорю, что въ этомъ сердцѣ жизнь
Должна еще таиться: онъ меня
Не можетъ такъ покинуть.

Дождь.

Дочь!

МАРИНА.

Старикъ!

Храни свое спокойствіе. Я больше
Не дочь тебѣ, ты не имѣешь сына
О, Фоскари!

Офицеръ.

Намъ остается тѣло

Перенести.

МАРИНА.

Не подходитъ къ нему,
Тюремщики! для вашей подлой службы
Тутъ больше ничего нѣтъ: для нея
Убийство есть предѣлъ, по вашимъ даже
Убийственнымъ законамъ. Предоставь
Останки эти тѣмъ, кто знаетъ лучше —
Какъ ихъ почитать.

Офицеръ.

Я долженъ извѣстить

Синьорію, узнать ея рѣшеніе.

Дождь.

Такъ отъ меня, отъ дождя, извѣсти
Синьорію, что никакой дальнѣйшей
Нѣтъ власти у нея на этотъ прахъ.
Пока онъ жилъ, онъ былъ ея, какъ всякій
Изъ подданныхъ, теперь онъ мой съ своимъ
Небьющимся, разбитымъ сердцемъ... сынъ мой!
(Офицеръ уходитъ).

МАРИНА.

И я должна тутъ жить еще!

Дождь.

МАРИНА,

Ты для дѣтей должна жить.

МАРИНА.

Для дѣтей!

Да, правда, я должна жить для того,
Чтобъ приготовить ихъ служить отчизнѣ
И умереть, какъ умеръ ихъ отецъ.
Увы! какимъ въ Венеціи блаженствомъ
Безплодность бы служить могла! За чѣмъ
Ты не была такою, мать моя?

Дождь. (Обращаясь къ тѣлу сына)

Несчастное дитя мое!

МАРИНА.

Ужели?

Такъ стало быть ты чувствуешь? и ты?
Гдѣ жь непреклонный стойкъ?

Дождь. (*Повертаясь на землю подлѣ тѣла*).

Здѣсь.

Марина.

Да, плачь;

Я думала тебѣ ужь отъ природы
Слѣзъ не дано; а ты ихъ все копилъ
Пока онѣ не стали бесполезны.

Такъ плачь же, плачь! онѣ больше никогда,
Ахъ, никогда не будетъ плакать больше!

(*Входятъ Лоредано и Барбарико*).

Лоредано.

Что это тутъ?

Марина.

Ахъ! это надругаться

Надъ мертвецомъ приходитъ дьяволъ. Згинь!

Люциферъ воплощенный! это мѣсто

Теперь святое: мученика прахъ

Лежить на немъ; оно теперь все то же,

Что и алтарь. Згинь, згинь въ свой адъ!

Барбарико.

Синьора,

Мы ничего не знали о такомъ

Печальномъ приключеньи. Мы зашли

Сюда лишь потому, что изъ Совѣта

Тутъ проходили мимо.

Марина. (*Дѣлая жестъ, чтобъ они убирались*).

Мимо!

Лоредано.

Намъ

Здѣсь нуженъ дождь.

Марина. (*Указывая на дождя, распротертаго подлѣ тѣла*).

Онъ занятъ; поглядите

Какимъ онъ вамъ занятіемъ обязанъ.

Довольны вы?

Барбарико.

Родительскихъ печалей

Мы прерывать не будемъ.

Марина.

Ваше дѣло—

Ихъ только причинять; такъ и оставьте

Въ покоѣ ихъ.

Дождь. (*Вставая*).

Синьоры, я готовъ.

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, не теперь

Лоредано.

Но дѣло слишкомъ важно.

Дождь.

Какъ скоро такъ, я только повторю,
Что я готовъ.

БАРБАРИГО.

Нѣтъ, утопай хоть въ безднѣ
Венеція, какъ гибнущій корабль,
Я этого теперь не допущу.
Я ваши огорченья уважаю.

Дождь.

Благодарю васъ. Если вы съ собой
Мнѣ принесли дурныя вѣсти, вы
Ихъ можете сказать: меня ужь тронуть
Ничто не можетъ болѣе, ничто,
Какъ и его. (*Указываетъ на трупъ сына*).

А если это вѣсти

Хорошія, опять скажите ихъ:
Вамъ нечего бояться, чтобъ они
Могли мнѣ дать отраду.

БАРБАРИГО.

Я душевно
Желалъ бы, чтобъ могли.

Дождь.

Я говорю
Не вамъ, а Лоредано; мы другъ друга
Съ нимъ поняли.

МАРИНА.

Ахъ! это я заранѣй
Придвидѣла.

Дождь.

Что хочешь ты сказать?

МАРИНА.

Гляди, гляди! у Фоскари изъ устъ,
Кровь начинаетъ литься—это тѣло
Присутствіе убійцы чуетъ здѣсь.

(*Къ Лоредано*).

Да погляди-жь, убійца, погляди —
Какъ смерть сама идти противъ тебя
Въ свидѣтели желаетъ!

Дождь.

Дочь моя!

Все это лишь твое воображенье.

(Къ своимъ собравшимся служителямъ).

Перенесите тѣло.

(Къ Лоредано и Барбарико).

Ну, синьоры,

Я выслушать могу васъ черезъ часъ,

Не далѣе.

(Дождь и Марина уходятъ; домашніе ихъ служители уносятъ тѣло. Барбарико и Лоредано остаются).

БАРБАРИГО.

Такъ мы теперь не будемъ

Пока его тревожить.

ЛОРЕДАНО.

Онъ сказалъ,

Что ужь его не можетъ потревожить

Ничто теперь.

БАРБАРИГО.

Но это, вѣдь, слова;

Печаль не любитъ шуму: прерывать

Ее безчеловѣчно.

ЛОРЕДАНО.

Нелюдность

Ей служить только пищей: мы ничѣмъ
Отвлечь ея не можемъ отъ печальныхъ
Картинъ много свѣта, какъ лишь тѣмъ
Чтобъ не давать забыть ему *про этотъ*.
Тамъ не до слезъ, гдѣ мы поглощены
Заботами.

БАРБАРИГО.

И потому ты хочешь,

Чтобы старикъ избавленъ былъ отъ всѣхъ
Заботъ своихъ?

ЛОРЕДАНО.

Ты знаешь, это дѣло

Рѣшонное. Джіунтой съ Десятью

Ему дано значеніе закона:

Кто-жь этому противиться теперь

Закону будетъ?

БАРБАРИГО.

Человѣчество!

ЛОРЕДАНО.

Изъ-за того, что померъ Фоскари?

БАРБАРИГО.

Что онъ еще не погребенъ.

ЛОРЕДАНО.

Будь это

Извѣстно намъ въ то время, какъ мы актъ
Готовили; онъ могъ бы быть задержанъ;
Но такъ какъ онъ подписанъ и скрѣпленъ,
То долженъ быть, конечно, и исполненъ.

БАРБАРИГО.

Я ни за что не соглашусь.

ЛОРЕДАНО.

Вы были

На главное согласны; остальное—
Оставьте мнѣ.

БАРБАРИГО.

Зачѣмъ же непременно

Идти къ нему теперь за отреченьемъ?

ЛОРЕДАНО.

Республика изъ-за семейной скорби
Не можетъ прерывать теченье дѣлъ,
И что она опредѣлитъ сегодня,
Того нельзя, изъ-за такой простой
Случайности, откладывать до завтра.

БАРБАРИГО.

Ты самъ имѣешь сына.

ЛОРЕДАНО.

И имѣлъ

Еще отца.

БАРБАРИГО.

Неумолимъ?

ЛОРЕДАНО.

Какъ видишь.

БАРБАРИГО.

Пусть только бы похоронилъ онъ сына;
Эдиктъ не опоздаетъ.

ЛОРЕДАНО.

Я согласенъ;

Но пусть онъ воскреситъ мнѣ моего
Родителя и дядю. Человѣкъ
И человѣкъ маститый даже, можетъ
Прослать отцомъ полсотни сыновей,
Но отъ своихъ отцовъ не въ состоянн
Пылники оживить одной.—Тутъ есть
Еще одна причина: онъ своихъ
Дѣтей лишонъ естественною смертию;
А мой отецъ внезапно былъ сражонъ

Таинственной болѣзнью.—Я ни къ яду
 Не прибѣгалъ, ни топкихъ знатоковъ
 Убийственной науки врачеванья
 Не подкупалъ къ тѣмъ мѣрамъ, что даютъ
 На вѣки исцѣленье; ну—короче.
 Его четыре сына (у него
 Четыре было сына) всѣ скончались
 Безъ всякаго участья моего
 Въ презрѣнномъ отравленьи...

БАРБАРИГО.

Ты не можешь
 Разстаться съ этой мыслью.

ЛОРЕДАНО.

Не могу.

БАРБАРИГО.

Онъ кажется такимъ чистосердечнымъ.

ЛОРЕДАНО.

Назадъ тому недавно онъ такимъ
 Казался Карманьолѣ.

БАРБАРИГО.

Чужестранцу?

Извѣстному измѣннику?

ЛОРЕДАНО.

Пусть такъ.

Когда въ ту ночь, въ которую рѣшалась
 Его судьба въ совѣтѣ Десяти
 (Гдѣ былъ и дождь) онъ встрѣтилъ на разсвѣтѣ
 Ихъ свѣтлость остротой,—то есть,—спросивъ
 Чего ему желать онъ долженъ лучше:
 «Дня добраго, иль доброй ночи?» дождь
 Любезно отвѣчалъ ему:—«что точно
 Онъ ночь провелъ недобрую, что въ ней
 (Прибавилъ онъ съ улыбкою) нерѣдко
 Вопросъ касался васъ».—Вопросъ былъ въ томъ,
 Что гибель Карманьолы порѣшили
 За цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ,—пока
 Съ нимъ кончили,—и старый дождь, который
 Зналъ приговоръ, ему такъ улыбался
 Всѣ восемь длинныхъ мѣсяцевъ, съ такой
 Убийственной фальшей, до которой
 Наукою восьмидесяти лѣтъ
 Доходятъ лишь. Отважный Карманьола
 Теперь мертвецъ,—не менѣе того,
 Какъ Фоскари, какъ и его три брата...
 Я имъ не улыбался никогда.

БАРБАРИГО.

Но развѣ Карманьола былъ твой другъ?

ЛОРЕДАНО.

Онъ этому былъ городу щитомъ.—
Бывъ въ юности врагомъ ему, потомъ
Спасителемъ, онъ подъ конецъ сталъ жертвой.

БАРБАРИГО.

Ахъ, кажется, спасенье городовъ
Всегда ведетъ къ такой наградѣ. Тотъ,
Противъ кого мы дѣйствуемъ, не только
Спасалъ родной свой городъ, но склонялъ
Подъ власть его другіе.

ЛОРЕДАНО.

Римляне

(А мы ихъ обезьянимъ) награждали
Вѣнкомъ того, кто городъ бралъ; вѣнокъ
Давали и тому, кто гражданина
Спасалъ въ бою: награды были равны.
Теперь, когда-бъ исчислить города,
Которые взялъ Фоскари, и гражданъ,
Которые погибли отъ него,
Иль чрезъ него, итогъ бы былъ ужасно
Противъ него.—Ужъ онъ не за него,
По цвѣрѣ только темныхъ дѣлъ,—подобныхъ
Случайности, постигшей моего
Покойнаго отца!

БАРБАРИГО.

Такъ ты упорно

Стоишь въ одномъ?

ЛОРЕДАНО.

А что жь поколебать

Могло-бъ меня?

БАРБАРИГО.

То, что меня колеблетъ:

Я знаю, что ты мраморъ,—но теперь,
Когда ты до конца дошелъ, когда
Старикъ уже низверженъ; домъ его
Опустошонъ, семья убита, имя
Унижено,—ужели ты, своей
Побѣдой упоенный, можешь спать?

ЛОРЕДАНО.

И очень крѣпко.

БАРБАРИГО.

Это заблужденье.

И это ты почувствуешь скорѣй,
Чѣмъ будешь спать между своихъ отцовъ.

ЛОРЕДАНО.

Онъ не спятъ въ своихъ могилахъ ранникъ,
И не заснутъ, пока не легъ въ свою
Самъ Фоскари.—Нѣтъ ночи, чтобъ они
Вокругъ моей постели не бродили,
Нахмурившись, указывая мнѣ
На дожескій дворецъ и призывая
Къ отмщенію.

БАРБАРИГО.

Болезнь воображенья!
Нѣтъ ни одной столь суевѣрной страсти,
Какъ ненависть: и самая любовь,—
Обратная ей страсть,—не населяетъ
Такъ воздухъ привидѣньями, какъ это
Сердечное безумье.

Входитъ офицеръ.

ЛОРЕДАНО.

Погоди,
Куда идешь?

Офицеръ.

Ихъ свѣтлость приказали
Поторопить обряды похоронъ
Последняго изъ Фоскари.

БАРБАРИГО.

Ихъ склепъ
За эти годы часто открывался.

ЛОРЕДАНО.

Онъ скоро будетъ полонъ и закрытъ
Ужъ навсегда.

Офицеръ.

Могу идти я?

ЛОРЕДАНО.

Можешь.

БАРБАРИГО.

Какъ думи свое несчастье переносить?

Офицеръ.

Съ рѣшимостью отчаянья;—онъ мало
При постороннихъ лицахъ говоритъ;
Но только на устахъ его движенье
Замѣтно постоянно: разъ или два
Я слышалъ изъ сосѣдняго покоя
Какъ онъ шепталъ чуть слышно: «сынъ мой!» — Я
Обязанъ поспѣшить.

(Уходитъ.)

БАРБАРИГО.

Такой ударъ

Заставить всю Венецію принять
Участье въ нейъ.

Доредано.

Ты правъ! намъ ни минуты
Нельзя терять: идемъ же собирать
Назначенныхъ Совѣтомъ депутатовъ
Представиться къ нему—*съ опредѣленьемъ.*

Барбариго.

Я съ этого мгновенья—протестую
Противъ него.

Доредано.

Какъ хочешь; тѣмъ не меньше
Я соберу объ этомъ гоолоса
И посмотрю—чей будетъ перевѣсъ.
(*Уходитъ.*)

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Сцена—внутренняя комната во дворцѣ дожа.

Дождь и слуги.

Служитель.

Вы, государь, забыли депутатовъ...
Но если бъ вамъ угодно было ихъ
Принять въ другое время, то они
Готовы удалиться.

Дождь.

Для меня
Всѣ времена равны. Пускай войдутъ.
(*Служитель выходитъ.*)

Офицеръ.

Я, государь, исполнилъ вашъ приказъ.

Дождь.

Какой приказъ?

Офицеръ.

Одинъ изъ самыхъ грустныхъ....
Касательно того, чтобъ ускорить
Обряды—

Дождь.

Такъ—такъ—такъ: я извиненъ
Прошу у васъ: я начинаю память
Утрачивать; старъ очень становлюсь.
Старъ такъ же, какъ лѣта мои; доселѣ
Я противъ нихъ боролся; но они
Брать начинаютъ верхъ.

Входитъ депутація, состоящая изъ шести членовъ синьоріи и президента совѣта Десяти.

Дождь.

Синьоры! ваши

Намѣренья?

Президентъ Десяти.

Одно изъ первыхъ, Десять

Глубоко огорчаются за дождя,
По случаю его семейной скорби.

Дождь.

Нѣтъ, не объ этомъ—дальше—

Президентъ Десяти.

Дождь не хочетъ

Принять дань уваженья?

Дождь.

Принимаю!

Такъ искренно, какъ вы могли ее
Мнѣ только предложить; но дальше—

Презид. Десяти.

Десять

Съ Джіунтою —изъ двадцати пяти
Сенаторовъ высокородныхъ, нынѣ
Имѣвши разсужденіе о дѣлахъ
Республики и тягостныхъ заботахъ,—
Которыя отъ сей поры сугубо
Быть трудными должны для вашихъ лѣтъ,
Столь долго посвящаемыхъ отчизнѣ,—
За должное признали отнестись
Теперь же къ вашей мудрости (и съ этимъ
Нельзя не согласиться ей)—и васъ
Со всяческимъ вамъ должнымъ уваженьемъ,
Просить объ отреченіи отъ кольца
Венеціанскихъ дождей, что такъ долго
И вмѣстѣ съ тѣмъ почетно вы носили.
А въ знакъ того, что ваши имъ лѣта
Внушаютъ уваженіе, а заслуги
Признательность,—вамъ дѣлаютъ окладъ
Въ двѣ тысячи дукатовъ золотыхъ,
Чтобъ вамъ доставить средства къ удаленію
Столь пышному, какимъ должна лишь быть
Отставка государя.

Дождь.

Вѣрно-ль я

Разслушалъ васъ?

Презид. Десяти.
Я повторю?...

Дождь.
Нѣтъ, нѣтъ —

Вы кончили?

Презид. Десяти.
Я все сказалъ. Вамъ сутки

Даются для отвѣта.

Дождь.
Мнѣ минуты

Достаточно.

Презид. Десяти.

Мы удалимся.

Дождь.
Стойте!

Того, что я сказать имѣю—сутки
Ни въ чемъ не перемѣнять.

Презид. Десяти.
Говорите.

Дождь.

Я изъявлялъ желанье отреченья
Два раза вамъ: мнѣ дважды было въ немъ
Отказано, и мнѣ не только было
Отказано, я принужденъ былъ дать
Присягу вамъ, что никогда не буду
Возобновлять впередъ подобной просьбы;
Я поклялся, что я умру на службѣ,
Которую я призванъ отправлять здѣсь
Страной моею; а потому—согласно
И съ честію и съ совѣстью моею—
Я не могу переломить присяги
Мной сдѣланной.

Презид. Десяти.
Вы доведете насъ

До новыхъ настояній.

Дождь.
Провидѣнье

Длитъ дни мои, чтобъ испытать меня
И наказать: но вы меня не въ правѣ
Такъ укорять за долготу моихъ
Печальныхъ дней: въ нихъ каждый часъ отчизнѣ
Былъ посвященъ.—Я положить готовъ
Жизнь за нее, какъ положилъ предметы
Дороже самой жизни; но моимъ
Избраніемъ я былъ обязанъ *цѣлой*
Республикѣ. Когда она опять

Всеобщее желаніе изъявить —
Вы отъ меня получите отвѣтъ.

Презид. Десяти.

Такой отвѣтъ насъ очень огорчаетъ,
Но это не послужитъ ни къ чему.

Дождь.

Я знаю все, что можетъ быть со мною.
Но я не измѣню себѣ ни въ чемъ,
Теперь опредѣляйте—что хотите.

Презид. Десяти.

Такъ мы должны уйти отсюда лишь съ этимъ?

Дождь.

Вы слышали меня.

Презид. Десяти.

Мы оставляемъ

Васъ съ полнымъ уваженіемъ.

(Депутация уходитъ).

Входитъ служитель.

Служитель.

Государь,

Свѣтлѣйшая сеньора, ваша дочь,
У васъ свиданья просить.

Дождь.

У меня

Нѣтъ для нея отказа.

Входитъ Марина.

МАРИНА.

Государь,

Могу-ль войти? вы, можетъ быть, хотите
Побыть одинъ.

Дождь.

Одинъ! одинъ,—вращайся

Хоть цѣлый міръ вокругъ меня, одинъ—
Я навсегда одинъ теперь.—Но мы
Перенесемъ и это.

МАРИНА.

Радн тѣхъ,

Которые должны переносить—
О, мой супругъ!

Дождь.

Не поминай о демъ;

Я не могу тебя утѣшить.

МАРИНА.

Онъ,

Столь преданный привычкамъ тихой жизни,
Столь любящій и столь любимый, могъ

Жить долго-бы—будь у него другое
Отечество; и кто такъ глубоко
Могъ чувствовать или внушать блаженство,
Какъ мой несчастный Фоскари? Чтобъ быть
Счастливыми, мы все имѣли!—кромѣ
Того, чтобъ онъ венеціанцемъ не былъ.

Дождь.

И сыномъ государя.

МАРИНА.

Все на свѣтѣ,
Чѣмъ только честолюбіе живетъ,
Что счастьемъ обманчивымъ прельщаетъ
Другихъ людей, все для него въ погибель
Обращено судьбой какой-то было.
Страна, народъ, который онъ любилъ,
И государь, котораго онъ сыномъ
Старѣйшимъ былъ—

Дождь.

Который перестанетъ

Быть государемъ скоро.

МАРИНА.

Какъ?

Дождь.

Меня

Хотятъ лишить кольца и діадемы,
Такъ долге мной носимыхъ.

МАРИНА.

О, тираны!

Въ подобный часъ!

Дождь.

Удобнѣйшаго ерока

Нельзя желать: назадъ тому лишь часъ
Я-бъ этимъ огорченъ былъ.

МАРИНА.

А теперь

Ты равнодушенъ къ этому? О, мщенье!
Но тотъ, кто могъ служить тебѣ щитомъ,
Когдабъ онъ самъ нашолъ въ тебѣ защиту,
Не въ силахъ защитить теперь отца.

Дождь.

И никогдабъ не смѣлъ дерзнуть на это
Противъ своей отчизны, хоть-бы онъ
Былъ тысячами жизнью одаренъ,
На мѣсто той—

МАРИНА.

Которой онъ лимонъ

Подъ пытку. Быть можетъ это высшій
 Патриотизмъ.— Я женщина; мой мужъ,
 Мои младенцы были для меня
 Моей отчизной. Я его любила—
 Какъ я его любила!—онъ прошолъ
 Въ моихъ глазахъ такія ордалии,
 Что отъ нихъ
 Могли бы отступить: его не стало;
 А я вотъ, я, которая отдать
 Кровь за него готова бы,—лишь плакать
 Могу о немъ!—Будь только въ силахъ я
 Воздать имъ по заслугамъ! Погодите;
 Я сыновей имѣю; будетъ срокъ—
 Они мужчины будутъ.

Дождь.

Ты отъ грусти

Готова помѣшаться.

МАРИНА.

Я ее

Надѣялась перенести въ то время,
 Когда онъ представлялся мнѣ—такимъ
 Измученнымъ, такимъ унылымъ,—да,
 Я думала, что мнѣ на трупъ его
 Смотрѣть гораздо легче, чѣмъ на вѣчный
 Его острогъ: и вотъ за эту мысль
 Я такъ теперь наказана—за чѣмъ
 Не я въ его могилу лягу!

Дождь.

Я

Взглянулъ бы на него.

МАРИНА.

Иди за мной.

Дождь.

Онъ положонъ—

МАРИНА.

На нашемъ брачномъ ложѣ,

На мѣсто катафалки.

Дождь.

Онъ и въ саванъ

Уже одѣтъ?

МАРИНА.

Пойдемъ, старикъ, пойдемъ.

(Дождь и Марина уходятъ).

Входятъ Барбарико и Лоредано.

БАРВАРИГО.

Гдѣ дождь?

Служитель.

Сейчасъ былъ здѣсь, и только вышолъ
Съ свѣтлѣйшею вдовицею отсель.

БАРБАРИГО.

Куда?

Служитель.

Въ покой, гдѣ почиваетъ тѣло.

БАРБАРИГО.

Оставимъ ихъ.

Лоредано.

Мы этого не можемъ;

Намъ сказано,—и очень ясно,—ждать
Джиунты здѣсь,—и раздѣлить потомъ
Посольство съ ней: она за ними слѣдомъ
Должна придти.

БАРБАРИГО.

Ужель она захочетъ

Настаивать, чтобъ дожъ ей далъ отвѣтъ?

Лоредано.

Онъ самъ хотѣлъ, чтобъ все такъ быстро шло.
Онъ отвѣчалъ въ два слова, мы не смѣемъ
Остаться передъ нимъ въ долгу; къ нему
Относятся съ почтеньемъ; передъ нимъ
Почти благоговѣюгъ,—такъ чего-жь
Желать онъ можетъ больше?

БАРБАРИГО.

Умереть

Въ своей почетной мантии; онъ въ ней
Не долго бы ходить сталъ;—я всѣ мѣры
Употребилъ, хотя и безъ успѣха,
Чтобъ ваше предложенье устранить.
За чѣмъ еще попалъ я въ депутаты?
Я не желалъ.

Лоредано.

Но это было нужно.

Здѣсь долженъ быть свидѣтель изъ людей
Противныхъ съ нами мнѣній,— а не то
Злымъ языкамъ представилъ бы случай
Разсказывать, что будто большинство
Кого нибудь боялось.

БАРБАРИГО.

И меня,

Я думаю, унижить нужно было
За мой протестъ? Ты месть свою ведешь
Причудливо, какъ геній, Лоредано,
И какъ поэтъ, какъ истинный Овидій

*Въ наукѣ ненавидѣть: * вѣдь и я
(Конечно я предметъ второстепенный
Но ненависть предвидитъ все)—и я,
Тебѣ же все обязанъ, что вотъ жду здѣсь
Твоей Джиунты.*

ЛОРЕДАНО.

Какъ! *моей* Джиунты!

БАРБАРИГО.

*Твоей, синьоръ. Она твой ловитъ взглядъ,
Слѣдитъ твой каждый жестъ, она твой планъ
Приводитъ въ исполненье, такъ еще
Она бы не твоя!*

ЛОРЕДАНО.

Вы говорите

Не слишкомъ осторожно, и для васъ
Полезнѣе, чтобъ этого другіе
Не слышали.

БАРБАРИГО.

Ахъ, это имъ услышать

Когда нибудь придется изъ другихъ,
Изъ болѣе громовыхъ устъ: они
Предвѣль переступили даже *ихъ*
Ни съ чѣмъ несообразныхъ правъ; а это
Къ добру не приведетъ.

ЛОРЕДАНО.

Ты говоришь

Безсмыслицу.

БАРБАРИГО.

Ну,—это подъ сомнѣньемъ,
Вотъ и Джиунта. *Входитъ Депутация.*

ПРЕЗИД. Десяти.

Дождь, конечно, знаетъ

О нашемъ посѣщеньи?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Я ему

Объ этомъ доложу.

БАРБАРИГО.

Онъ въ этотъ мигъ

Находится у сына.

ПРЕЗИД. Десяти.

Если такъ,

То мы его не потревожимъ; пусть
Онъ кончитъ погребенье.—Удалимтесь.
Намъ времени довольно будетъ завтра.

* Овидій написалъ поэму: «*Arx amandi, Паука—любитъ.*»

Лоредано. (*Тихо къ Барбарико.*)

Огонь бы вамъ геенскій на языкъ
За эту болтовню пустую! Я
Ручаюсь вамъ, что это краснорѣчье
Вамъ не пройдетъ.

(*Громко.*)

Синьоры, вы не будьте
Однако такъ поспѣшны.

Барбарико.

Будьте—люди.

Лоредано.

Но вотъ и дождь!

Входитъ Дождь.

Дождь.

Синьоры, вы желали
Со мною говорить.

Презид. Десяти.

Мы повторить

Пришли къ вамъ нашу просьбу.

Дождь.

Я пришолъ

Вамъ отвѣчать.

Презид. Десяти.

Отвѣтъ вашъ?

Дождь.

Мой отвѣтъ —

Единственный! Вы слышали его.

Презид. Десяти.

Такъ я вамъ объявляю нашъ послѣдній,
Рѣшительный, конечный —

Дождь.

Къ дѣлу! къ дѣлу!

Всѣ нѣжности судейскихъ этихъ формъ,
Всѣ сладости вступленій къ строгимъ актамъ
Я самъ отлично знаю. Продолжайте.

Презид. Десяти.

Вы болѣе не дождь; васъ разрѣшаютъ
Отъ царственной присяги вашей; вы
Обязаны снять облаченье дожа;
Но, снисходя ко всѣмъ заслугамъ вашимъ,
Республика, какъ мы объ этомъ вамъ,
При первомъ посѣщеніи объявили,
Окладъ вамъ назначаетъ. Вы въ три дня
Обязаны отселъ удалиться—
Подъ страхомъ конфискаціи всего,

Чѣмъ только вы, какъ частная особа,
Владѣете.

Дождь.

Насчетъ послѣдней мѣры
Я съ гордостью скажу вамъ, что она
Едвадь собой обогатитъ казну.

Презид. Десяти.

Дождь! —вашъ отвѣтъ?

Лоредано.

Вашъ, Фоскари, отвѣтъ?

Дождь.

Когда-бъ я могъ предвидѣть, что мое
Отечество вмѣнитъ мнѣ въ преступленье
Преклонность лѣтъ монахъ, то, какъ глава
Республики, никакъ бы не явился
Такимъ неблагодарнымъ, чтобъ свое
Почетное значенье ставить выше
Своей страны; но такъ какъ эта жизнь
Такъ много лѣтъ была не бесполезна
Странѣ моей, то я хотѣлъ бы ей
Отдать мои послѣднія минуты.—
Но вами данъ декретъ — я повинуюсь.

Презид. Десяти.

Когда трехъ дней означенныхъ вамъ мало,
То мы, изъ уваженія къ вамъ, охотно
Готовы ихъ продолжить до восьми.

Дождь.

Ни до восьми часовъ, синьоръ; ни даже
Восьми минутъ.

(Снимаетъ дождескую шапку и кольцо.)

Вотъ діадема дожа,

А вотъ его кольцо. Теперь свободна
Вѣнчаться Адриатика съ другимъ.

Презид. Десяти.

Но вы не выходите такъ поспѣшно.

Дождь.

Я старъ, синьоръ; съ моей походкой трудно
Поспѣшнымъ быть,—такъ я ужь не могу
Не поспѣшать! Мнѣ кажется межъ вами
Я вижу незнакомое лицо.—
Сенаторъ, ваше имя? по одеждѣ
Вы смотрите главою Сорока.

Меммо.

Синьоръ, я Марко Меммо.

Дождь.

Ахъ! вы сынъ

Отца, что былъ мнѣ другомъ. Но отцы
И сыновья! Гей!—слуги!

Служитель.

Государь!

Дождь.

Нѣтъ государя.

(Указывая на депутатовъ.)

Вотъ кто государя

Надъ этимъ государемъ. Мы должны
Сейчасъ отселя выйти; приготовьтесь.

Презид. Десяти.

За-чѣмъ же такъ поспѣшно? это можетъ
Произвести тревогу?

Дождь. *(Къ депутатамъ.)*

Ваше дѣло —

Вашъ и отвѣтъ.

(Къ служащимъ.)

Друзья, поторопитесь;

Здѣсь ноша есть одна: я васъ прошу
Нести ее съ особою заботой,
Хоть вредъ, при томъ, теперь ей недоступенъ;
Я, впрочемъ, самъ за этимъ наблюдаю.

БАРБАРИГО.

Онъ говоритъ о переносѣ тѣла.

Дождь.

И назовите дочь мою, Марину.

(Входитъ Марина.)

Дождь.

Дитя, приготовляйся. Плакать намъ
Въ другомъ придется мѣстѣ.

МАРИНА.

Всюду.

Дождь.

Правда;

Но только на свободѣ; не при этихъ
Завистливыхъ къ величію шпионахъ.
Вы можете, синьоры, отправляться;
Чего еще вамъ нужно? мы идемъ.
Бойтесь вы, что эти мы палаты
Возьмемъ съ собой? Да, древнія ихъ стѣны,
Что въ десять разъ древнѣе, чѣмъ какими
Считаюсь я, хотя я очень старъ,
Служили вамъ, какъ я служилъ; и я—
Какъ и они—могли бы рассказать
Исторію; но я не заклинаю
Ихъ клятвою—обрушиться на васъ;

Не то-бъ онъ обрушился такъ точно,
 Какъ нѣкогда Дагоновъ тяжкій храмъ,
 Поверженный израильскимъ героемъ
 На филистимскихъ недруговъ его.
 Я думаю, такая сила можетъ
 Найдись въ такомъ проклятьи, какъ мое,
 Противъ такихъ людей, какъ вы. Но я
 Не проклинаю васъ. Прощайте!
 Пусть новый дождь, синьоры, будетъ лучше,
 Чѣмъ настоящій.

Лоредано.

Настоящій дождь

Паскаль Малиниеро.

Дождь.

Нѣтъ, онъ будетъ,
 Когда лишь я черезъ порогъ той двери
 Перешагну.

Лоредано.

Но въ честь его избранья
 Сейчасъ въ большой ударятъ колоколь
 Святого Марка.

Презид. Десяти.

Да.

Дождь.

Земля и небо!

Вы повторить хотите этотъ звонъ —
 И я его услышу! первый дождь,
 Когда нибудь подобный звонъ слыхавшій,
 Въ честь своего преемника. Преступный,
 Суровый мой предшественникъ Фальеро *,
 Счастливейе меня былъ: онъ отъ этой
 Обиды былъ избавленъ.

Лоредано.

Вы жалѣть

Рѣшаетесь измѣнника?

Дождь.

Нѣтъ, я

Завидую лишь мертвецу.

Презид. Десяти.

Синьоръ,

Какъ скоро вы хотите въ самомъ дѣлѣ
 Внезапно такъ оставить вашъ дворецъ,
 То выдѣте изъ него, по крайней мѣрѣ,

* Слишкомъ извѣстный Марино Фальеро; казненный въ 1355 году.

По лѣстницѣ, которая выходитъ
На мостовую вдоль канала.

Дождь.

Нѣтъ;

Я тѣмъ же приступками сойду,
Которыми всходилъ на государство,
Приступками «Гиганта» *, на верху
Котораго я облеченъ былъ въ дожи.
Я на его ступени призванъ былъ
Заслугами; я съ нихъ схожу по злобѣ
Моихъ враговъ. Съ тѣхъ поръ ужь тридцать пять
Минуло лѣтъ, какъ въ этихъ я палатахъ
Былъ водворенъ; я никогда не думалъ
Чтобы меня могли изъ нихъ прогнать
Сограждане; я думалъ ихъ покинуть
Лишь мертвецомъ, быть можетъ, мертвецомъ
Сражавшимся за нихъ у ихъ дверей.
Но я иду; мы оба съ сыномъ, вмѣстѣ, —
Идемъ отсюда: онъ—въ свою могилу,
Я—о своей молиться.

Презид. Десяти.

Такъ публично?

Дождь.

Я былъ публично избранъ и хочу
Быть низложенъ такъ точно. Дочь моя!
Тебѣ угодно?

Марина. (*Предлагая ему руку*).

Вотъ моя рука.

Дождь.

И вотъ мой посохъ: вотъ съ какой опорой
Я выхожу.

Презид. Десяти.

Нѣтъ, этого нельзя:

Народъ на это обратитъ вниманье.

Дождь.

Народъ! Здѣсь нѣтъ народа, это очень
Извѣстно вамъ; иначе никогда
Ни съ нимъ бы, ни со мной такъ обходиться
Не смѣли вы; здѣсь есть простонародье,
Которое способно пристыдить
Васъ взглядами; но ни роптать на васъ,
Ни проклинать не смѣетъ васъ, какъ развѣ
Проклятиемъ сердца своихъ и глазъ.

* Названіе лѣстницы; въ русской печати она встрѣчается подъ названіемъ «Лѣстницы великановъ».

Презид. Десяти.

Въ васъ говорятъ такъ страсти —

Дождь.

Это правда,

Я черезъ чуръ ужь много говорилъ,
Противъ моихъ привычекъ: эта слабость
Всегда была чужда мнѣ, тѣмъ скорѣй
Она для васъ составитъ извиненье,
Какъ знакъ того, что я впадаю вновь
Въ ребячество, которымъ свой поступокъ
Вы можете оправдывать, хотя
Законъ противъ него! Прощайте!

Презид. Десяти.

Вы

Должны идти со свитой, какъ того
Минувшій вашъ и даже настоящій
Санъ требуетъ. Мы, съ должнымъ уваженьемъ,
Намѣрены въ вашъ собственный дворецъ
Васъ проводить, какъ дожа. Вы согласны,
Синьоры, говорите?

Разные голоса.

Да! да, да!

Дождь.

Вы не сойдете съ мѣста, вслѣдъ за мною,
По крайней мѣрѣ. Я сюда вошелъ,
Какъ государь, я выхожу отсюда,
Какъ гражданинъ; хотъ черезъ тѣ же крыльца,
Но все таки какъ гражданинъ. Всѣ эти
Пустыя церемоніи не больше,
Какъ низкія обиды, что больнѣй
Грудь растравляютъ только; это яды,
Которые имѣютъ видъ одинъ
Противоядій. Пышность создана
Для государей; я—не государь.
Нѣтъ, ложь, я государь, но лишь до этихъ
Дверей, не дальше... Ахъ!

(Раздается большой колоколъ св. Марка).

Лоредано.

Чу!

Барбариго.

Колоколъ!

Презид. Десяти.

Святого Марка; это въ честь избранья
Малипiero раздается онъ.

Дождь.

О, этотъ звонъ я узнаю! Я слышалъ

Его одинъ лишь разъ, одинъ лишь разъ,
И этому теперь ужь тридцать пять
Минуло лѣтъ; я и въ то время не былъ
Ужь молодымъ.

БАРБАРИГО.

Присядьте, государь;
Вы всё дрожите.

Дождь.

Это похоронный
Звонъ о моемъ несчастномъ сынѣ. Горько!
Какъ горько мнѣ!

БАРБАРИГО.

Прошу васъ, сядьте.

Дождь.

Нѣтъ;

Здѣсь былъ моимъ сидѣньемъ тронъ. Марина!
Идемъ.

МАРИНА.

Идемъ!

Дождь. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ
и останавливается*).

Я ощущаю жажду —
Не можетъ ли быть ктонибудь любезенъ —
Воды подать мнѣ?

БАРБАРИГО.

Я.

МАРИНА.

И я.

ЛОРЕДАНО.

И я.

(*Подаютъ ему три кубка. Дождь
беретъ у Лоредано*).

Дождь.

Беру изъ вашихъ рукъ, синьоръ, изъ рукъ,
Которыя особенно подходятъ
Подъ этотъ случай.

ЛОРЕДАНО.

Какъ такъ?

Дождь.

Говорятъ,

Что въ нашемъ хрусталѣ венеціанскомъ
Такая есть чувствительность—къ отравамъ,
Что онъ мгновенно колетса, какъ только
Къ нему что ядовитое коснется:
Вы этотъ кубокъ предложили мнѣ,
А онъ не раскололся.

Лоредано.

Ну, синьоръ?

Дождь.

Такъ это ложь, или вы не ядовиты.
Что до меня, изъ этихъ двухъ вещей
Я ни одной не вѣрю, это просто
Пустой народный говоръ.

Марина.

Твой языкъ

И разговоръ такъ странны; успокойся,
И подождемъ идти отсюда,—ахъ!
Ты блѣденъ, какъ мертвецъ.

Барбариго.

Онъ упадетъ!

Скорѣ кресло—нужно поддержать! —
Онъ падаетъ!

Дождь.

Тотъ колоколъ звонитъ—
Звонитъ!... пойдѣмъ. Мой мозгъ горитъ огнемъ.

Барбариго.

Я умоляю васъ, позвольте намъ
Попридержать васъ.

Дождь.

Нѣтъ! властитель стоя
Обязанъ умереть. Мой бѣдный сынъ!
Прочь ваши руки!... этотъ колоколъ!

(Дождь падаетъ и умираетъ).

Марина.

Мой Богъ! Мой Богъ!

Барбариго. *(Къ Лоредано).*

Смотрите, ваше дѣло

Совершенно.

Презид. Десяти.

Ужель тутъ никакой
Нѣтъ помощи? пусть позовутъ—

Служитель.

Напрасно;

Все кончено.

Презид. Десяти.

Когда уже иначе
Не можетъ быть, по крайней мѣрѣ, прахъ
Его мы похоронимъ, какъ прилично
И имени, и націи его,
И званію, и рвенію о пользахъ
Республики, пока его лѣта
Заботиться о нихъ лишь позволяли
Ему съ такою славой. Такъ иль нѣтъ?
Собратія, рѣшайте.

БАРБАРИГО.

Такъ какъ онъ
Не дожилъ до несчастья умереть
Въ подданствѣ тамъ, гдѣ царствовалъ, то пусть
Онъ будетъ погребенъ какъ государь.

Презид. Десяти.

Такъ мы согласны?

Всѣ, (*кромя Лоредано*).

Да.

Презид. Десяти.

Да будетъ вѣчный
Покой надъ нимъ.

МАРИНА.

Синьоры, извините:
Я вижу тутъ насмѣшку. Будетъ вамъ
Надъ этимъ бѣднымъ прахомъ издѣваться.
Покуда въ немъ душа была (душа,
Которая раздвинула придѣлы
Республики и сдѣлала ея
Могущество столь гордымъ, какъ онъ самъ
Великимъ былъ), вы изъ его дворца
Его съ такимъ упорствомъ выгоняли;
Вы за помы немилосердно такъ
Его тащили съ трона: это было
Лишь за одну минуту; а теперь, —

Когда онъ этихъ почестей не можетъ
 Почувствовать, и еслибъ могъ, то ихъ
 Не принялъ бы, — вы неумѣстнымъ блескомъ
 Хотите окружить его, парадъ
 Устроить изъ того, что вы ногами,
 Синьоры, попирали. Этотъ блескъ
 Монаршихъ похоронъ скорѣй укоромъ
 Послужитъ вамъ, чѣмъ почестью ему.

Презид. Десяти.

Синьора, мы не такъ легко отъ нашихъ
 Рѣшеній отступаемся.

МАРИНА.

Я знаю,
 Когда идетъ о томъ, чтобъ истязать
 Живыхъ людей; но мертвыхъ я считала
 Свободными...
 Отдайте мнѣ его:
 Продлись въ немъ жизнь, которую съ такой
 Вы добротой пресѣкли — вы за этимъ
 Стоять бы, вѣдь, не стали: это мой
 Последнй долгъ, и я могу найти —
 Хоть грустную — въ немъ для себя отраду.
 Печаль такъ суевѣрна, что съ любовью
 Глядитъ на мертвецовъ и ихъ гробъ.

Презид. Десяти.

Вы все-таки хотите съ нами спорить
 О правѣ погребенья?

МАРИНА.

Да, синьоръ.
 Хотя свое имущество сполна
 Онъ издержалъ на службѣ государству,
 Я на мое приданое могу
 Зарыть его останки и останки —

(Останавливается отъ волненья).

Презид. Десяти.

Приданое свое поберегите
 Вы лучше вашимъ дѣтямъ.

МАРИНА.

Да, они
 Вѣдь сироты — благодарю васъ.

Презид. Десяти.

Мы

Не можемъ согласиться съ вашей просьбой;
Его останки будутъ почтены
Обыкновеннымъ блескомъ; новый дождь
Ихъ будетъ провожать до ихъ могилы,
И не какъ дождь, а просто какъ сенаторъ.

Марина.

Я слышала, что есть смертоубійцы,
Которые хоронятъ жертвъ своихъ;
Но чтобъ они такимъ притворнымъ блескомъ
Убитыхъ окружали—никогда
Не слышала. Я слышала о горькихъ
Слезахъ вдовицъ—увы! я проливаю
Ихъ и сама! благодаря все вамъ.
Я слышала о траурныхъ одеждахъ
Наслѣдниковъ... покойникъ всѣхъ своихъ
Лишонъ, по вашей милости, такъ вы
Ихъ роль сыграть хотите. Чтожь, синьоры,
Да будетъ ваша воля свершена,
Какъ иъкогда, надѣюсь, совершится
И Божья воля!

Презид. Десяти.

Знаете ль, синьора,
Кому вы говорите, и весь рискъ
Подобной рѣчи?

Марина.

Первое я знаю
Короче васъ; послѣднее какъ вы,
И ни предъ тѣмъ, ни предъ другимъ не трушу.
Желаете вы новыхъ похоронъ?

Барбариго.

Не взвѣшивайте строго этихъ словъ;
Ея печаль ей служить извиненьемъ.

Презид. Десяти.

Такъ мы ихъ позабудемъ.

Барбариго. (*Къ Лоредано, который
пишетъ на своихъ та-
блицахъ*).

Что такое
Ты на своихъ таблицахъ пишешь тутъ
Съ толь озабоченнымъ челомъ?

Лоредано. (*Указывая на тьло дожа*).

Что онъ

Мнѣ заплатилъ!

Презид. Десяти.

Какой же вы за нимъ

Имѣли долгъ?

Лоредано.

Старинный и безспорный;
Настолько жъ долгъ природы, какъ и мой.

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Е. Заринъ.

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Ф. НИСЕМСВАГО.

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

НОВАБРЬ.

ТОМЪ СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1861.